

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1873 г.

ТОМЪ VII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, № 2—49.
1873.

ЗАПИСКИ ГРАФА Ө. П. ТОЛСТАГО,

Товарища Президента Императорской Академіи Художествъ.

Графъ Өедоръ Петровичъ Толстой принадлежитъ къ той небольшой группѣ дѣателей, которые составляютъ гордость и украшеніе русской аристократіи, но аристократіи не одной породы, а ума и таланта.

Въ продолженіе почти семидесяти лѣтъ художническая дѣятельность графа Өедора Петровича—сдѣлала его извѣстнымъ во всей Европѣ. Академіи Художествъ многихъ европейскихъ державъ имѣютъ его въ числѣ почетныхъ своихъ членовъ. Маститый славный представитель русскихъ художниковъ—гр. Өедоръ Петровичъ—издавна пользуется глубочайшимъ уваженіемъ всѣхъ дѣателей въ области искусства и стяжалъ это благоговѣнное уваженіе своею незапятнанною, многолѣтнею, вполне труженическою жизнію.

Записки о такой жизни должны быть вдвойнѣ интересны: онѣ любопытны, какъ изложеніе фактовъ, пережитыхъ человѣкомъ высокаго ума и образованія, и назидательны—какъ исповѣдь художника, имѣющаго полное право сказать, что только личнымъ, неустаннымъ трудомъ и энергіей,—безъ малѣйшаго, съ чьей бы то ни было стороны покровительства, проложилъ онѣ себѣ дорогу на высшую степень извѣстности и славы, какою только можетъ достигнуть художникъ.

Графъ Өедоръ Петровичъ—принадлежитъ къ числу самоучекъ. До сихъ поръ мы встрѣчали самоучекъ, пролагающихъ себѣ путь въ мірѣ художествъ или науки съ низшихъ ступеней; въ графѣ Өедорѣ Петровичѣ мы видимъ самоучку, смѣло направившагося въ храмъ искусства—съ высшихъ ступеней русскаго общества.

Въ самомъ дѣлѣ, его происхожденіе, родственныя и другія связи,

предразсудки и предубѣжденія того сословія, къ которому онъ принадлежить, первоначальное образование, имъ полученное,— словомъ сказать, все соединилось, семьдесятъ лѣтъ тому назадъ,—противъ того, чтобы 18-ти-лѣтній юноша промѣнялъ всѣ блага предстоявшей ему карьеры на тяжкій трудъ художника.

Но молодой человѣкъ чувствовалъ свое призваніе и, ободренный милостивыми словами императора Александра I, мудро провидѣвшаго въ немъ высокое дарованіе, смѣло вступилъ на тернистый путь русскаго художника. Впервые тогда Россія увидала въ семьѣ подвижниковъ искусства графа, представителя одной изъ именитѣйшихъ фамилій.

Многіе годы посвящены были имъ на самообразование, на довершеніе того, что ни домашнее, крайне плохое воспитаніе, ни обученіе въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ — не могли ему дать. Такимъ образомъ этотъ графъ-самоучка, открывъ въ себѣ призваніе художника, прежде всего позаботился объ обогащеніи себя умственными знаніями. Приэтомъ, переходя отъ книги къ кисти, отъ кисти къ рѣзцу, отъ рѣзца къ сложнымъ выкладамъ математики (которую онъ очень любилъ), гр. Ѳеодоръ Петровичъ постоянно дѣлалъ замѣтки о мелкихъ и крупныхъ событіяхъ своей жизни, своихъ знакомствахъ, впечатлѣніяхъ во время путешествій и пр. Эти-то замѣтки, къ сожалѣнію не за всѣ года уцѣлѣвшія, и дали возможность гр. Ѳеодору Петровичу, въ концѣ уже пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ, составить нынѣ печатаемыя записки о его жизни.

Объемля болѣе трети столѣтія, записки гр. Ѳеодора Петровича довольно значительны по объему. Къ сожалѣнію однако, первыя ихъ главы, по желанію графа и его достойной супруги графини Анастасіи Ивановны, остаются пока въ рукописи... Затѣмъ на страницахъ „Русской Старины“ представляется нынѣ та часть Записокъ, въ которой авторъ выступаетъ на поприще художника, т. е. съ 1802 года.

Прежде однако, чѣмъ перейдемъ къ разсказу составителя Записокъ, считаемъ необходимымъ привести главнѣйшіе факты изъ его жизни до 1802 года.

Графъ Ѳеодоръ Петровичъ родился въ Петербургѣ, 10 февраля 1783 года. Отецъ его бригадиръ, гр. Петръ Андреевичъ Толстой, былъ въ то время начальникомъ комиссаріата; жена его, мать графа Ѳеодора Петровича, — Елисавета Егоровна, рожденная Barbotte de Mogni, была племянницей адмирала Крузе. Послѣ крещенія (17 февраля 1783 г.) малютка графъ Ѳеодоръ сдѣланъ былъ сержантомъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка и ему выданъ годовой отпускъ, который вплоть до восшествія на престолъ Павла, ежегодно возобнов-

лялся. Родитель Федора Петровича был человекъ тогдашняго дворянскаго образованія, и при недостаточности состоянія, соединялъ высокую честность; такъ что, занимая мѣста, на которыхъ обыкновенно наживали богатства, гр. Петръ Андреевичъ жилъ и содержалъ большую семью однимъ лишь жалованьемъ.

Въ 1788 году малютка графъ Федоръ переѣхалъ съ отцемъ въ Выборгъ, ближе къ театру бывшей въ то время русско-шведской войны; въ 1790 году онъ опять съ родителями въ Петербургъ и видитъ громадное пиршество, устроенное въ 1791 году Екатериною II для народа, по случаю заключенія мира. Картины бывшихъ при этомъ увеселеній и разныхъ народныхъ сценъ живо отпечатлѣлись въ памяти автора Записокъ.

Недостаточность состоянія родителей обуславливала и наемъ учителей: первымъ изъ нихъ, по времени, былъ нѣкто Федоровъ, канцелярскій чиновникъ въ комисариатѣ. Онъ былъ въ родѣ гувернёра или дядьки; между прочимъ, водилъ своего воспитанника, предъ Петровымъ днемъ, въ кунсамеру Академіи Наукъ, гдѣ читалъ въ то время публичныя лекціи изъ натуральной исторіи профессоръ Прокофьевъ. „Эти лекціи, рассказываетъ графъ: были для меня лучшимъ удовольствіемъ и я не могъ дожидаться того дня, когда можно было идти въ Академію. Бывши еще маленькимъ, я очень любилъ рисовать и болѣе всего Ивана царевича, Бову королевица, волшебниковъ, богатырей и другихъ сказочныхъ героевъ..... Изрядно читать и писать я выучился съ помощью матери, на шестомъ году возраста, почти самоучкою“.

На 9-мъ году гр. Федоръ Петровичъ увезенъ былъ изъ родительскаго дома вначатнымъ дядею 25-ти-лѣтнимъ графомъ Петромъ Александровичемъ Толстымъ,—человеккомъ съ большими связями и впоследствии высокаго положенія. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Маріи Алексѣевнѣ Голицыной и былъ роднымъ племянникомъ гр. Н. И. Салтыкова. Молодой, богатый, блестящій гр. Петръ Александровичъ сдѣланъ былъ командиромъ одного изъ армейскихъ полковъ, расположеннаго близъ Вильны, въ мѣстечкѣ Опманахъ, и сюда увезъ автора настоящихъ Записокъ. Три года, проведенные имъ у дальняго своего родственника, оказались для его воспитанія совершенно бесполезными; гр. Петръ Александровичъ вовсе объ этомъ не заботился: брошенный мальчикъ былъ отданъ подъ наблюденіе камердинера-француза; берейторъ выучилъ гр. Федора Петровича верховой ѣздѣ, и затѣмъ время проходило въ разныхъ полковыхъ пустыхъ забавахъ, какъ-то въ охотѣ, катачѣ и проч.

Вдругъ совершенно случайно гр. Петръ Александровичъ, неиз-

вѣстно по чьему совѣту, отдалъ племянника въ знаменитую іезуитскую школу въ Полоцкѣ, бывшую при тамошнемъ іезуитскомъ монастырѣ. Такъ какъ, по молодости лѣтъ, мальчика еще нельзя было опредѣлить прямо въ школу, то его отдали въ домъ Полоцкаго коменданта майора фонъ-Дуве, гдѣ надъ ученьемъ гр. Федора наблюдалъ самъ настоятель іезуитскаго монастыря патеръ Груберъ, „извѣстный тогда во всемъ свѣтѣ глубокою, обширною ученостію и громаднымъ умомъ. Это распоряженіе Петра Александровича, говоритъ авторъ Записокъ, могло бы привести мнѣ большую пользу, еслибы было сдѣлано вб-ремя, а не тогда, какъ мнѣ было съ небольшимъ только десять лѣтъ, и еслибы я могъ кончить полный курсъ ученія въ знаменитой Полоцкой іезуитской школѣ; но такъ какъ этого совсѣмъ не было въ виду у моихъ покровителей, то отправленіе меня въ Полоцкѣ было совершенно бесполезно..... Обученіе наукамъ, вслѣдствіе моего малаго возраста, шло поверхностно, за исключеніемъ рисованія, къ которому я уже тогда показывалъ большую способность и страсть“.

Ученіе въ Полоцкѣ продолжалось недолго. Петръ Александровичъ вытребовалъ къ себѣ племянника. Плохое обученіе гр. Федора не мѣшало дядѣ предположить для него довольно блестящую карьеру. А именно Петръ Александровичъ предполагалъ, когда графу Федору будетъ пятнадцать лѣтъ, перевести его изъ сержантовъ гвардіи къ себѣ въ полкъ. Всякій же сержантъ гвардіи, послѣ пяти-лѣтней дѣйствительной службы, при переходѣ въ армію, получалъ чинъ капитана. „На осуществленіе этого плана далъ свое согласіе гр. Н. И. Салтыковъ и даже предложилъ ему взять меня къ себѣ тотчасъ же въ флигель-адъютанты, рассказываетъ гр. Федоръ Петровичъ, что, по тогдашнему военному уставу, давало право прямо на майорскій чинъ. А до тѣхъ поръ я, по предположенію дяди, долженъ былъ учиться у іезуитовъ, и пріѣзжать къ нему только на лѣтнія вакаціи. Объ этомъ своемъ распоряженіи относительно меня онъ говорилъ и мнѣ, и всѣмъ въ полку. Подобныя продѣлки вельможъ и случайныхъ людей въ царствованіе императрицы Екаторины II, хотя были рѣдки, но не были и диковинкою; всюду ходилъ тогда сильный ропотъ на эти странныя и ни съ чѣмъ несообразныя несправедливости, столь недостойныя царствованія великой государыни. Но надобно сказать и то, что въ сущности эти несправедливости не производили большаго зла, потому что фаворныя выскочки, не отличаясь впоследствии особыми достоинствами, способностями и рвеніемъ въ службѣ, оставались навсегда майорами. „Блестящее будущее, которое готовилъ мнѣ Петръ Александровичъ въ такіа молодня лѣта,

могло бы, конечно, доставить мнѣ впоследствии прекрасную карьеру, но судьба рѣшила иначе“.

Отправленный вторично въ Полоцкъ къ патеру Груберу, гр. Фѣдоръ Петровичъ внезапно и уже въ послѣдній разъ былъ вытребованъ оттуда; дѣло въ томъ, что вступившій въ то время на престолъ императоръ Павелъ, повелѣлъ гр. Петру Александровичу сдать полкъ и ѣхать въ Петербургъ. Дядя повезъ съ собой и племянника.

Свиданіе съ родителями 12-ти-лѣтняго мальчика было очень трогательно. Отца своего, бывшаго уже генераломъ, онъ нашелъ на гауптвахтѣ въ зимнемъ дворцѣ, гдѣ перебивали въ это время многія жертвы капризовъ новаго государя. Суровость новыхъ порядковъ, смѣшной маскаррадъ самыхъ разнообразныхъ и нелѣпныхъ формъ одеждъ — все поражало мальчика..... Между тѣмъ, отецъ, выйдя въ это время въ отставку и стѣсняемый нуждой, не зналъ что дѣлать съ сыномъ. Но вотъ, по совѣту двоюроднаго его брата, маіора Морскаго кадетскаго корпуса Андрея Яковлевича Перфильева, гр. Фѣдора отдали въ Морской кадетскій корпусъ.

Это было въ то время одно изъ лучшихъ учебныхъ заведеній. Во главѣ его стоялъ достойнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ директоръ Иванъ Логиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ. Учебныя занятія юноши шли весьма хорошо. Всѣ же свои досуги онъ продолжалъ посвящать художеству. „Съ самаго дѣтства любилъ я рисовать,—писалъ въ это время гр. Фѣдоръ Петровичъ, страсть къ этому безпрестанно увеличивается, такъ что я все свободное время отъ классовъ и приготовленія къ нимъ провожу съ карандашемъ или кистью въ рукахъ“.

26-го февраля 1800 года графъ Фѣдоръ Петровичъ произведенъ по экзамену (цѣлымъ годомъ ранѣе срока) въ гардемарины. Лѣтомъ 1800 года и затѣмъ лѣтомъ 1801 года совершилъ плаваніе въ Швецію, Данію и Норвегію; а 23 іюня 1802 года, по окончаніи курса наукъ, произведенъ въ мичмана..... Но здѣсь мы предоставляемъ слово самому автору Записокъ.

Сдѣлаемъ лишь предварительно одно замѣчаніе: если кто станетъ искать въ предлагаемой автобіографіи живаго изложенія, мастерски набросанныхъ картинъ и драматическихъ эпизодовъ, тотъ ошибется. Изложеніе Записокъ довольно сухо, на литературныя достоинства разсказа авторъ и не претендуетъ; весь же интересъ обращается около его художественной дѣятельности и лишь изрѣдка на общемъ фонѣ картины труженической жизни автора являются, исполненныя правды, характеристики видныхъ въ обществѣ своего времени лицъ обоого пола и интересныя черты нравовъ недавней старины.

Ред.

I.

1802 года іюня 23 числа, по окончаніи курса въ морскомъ корпусѣ, я былъ произведенъ мичманомъ въ гребной флотъ и потому оставался жить въ Петербургѣ, что мнѣ давало средство учиться математикѣ, которую я особенно любилъ.

Въ началѣ, вышедъ изъ корпуса, посѣщая театры, болѣе всего восхищался я прекрасными балетами г-на Дидло. Имѣя большую способность ко всѣмъ гимнастическимъ упражненіямъ, я скоро пристрастился къ балетнымъ танцамъ и учился у Дидло очень прилежно. Онъ всѣмъ тогда говорилъ, что еслибы я со-всѣмъ посвятилъ себя этому искусству, то могъ бы быть замѣчательнымъ артистомъ. Я изучалъ основательно хореграфію и мимику у Бузани, весьма замѣчательнаго по этой части артиста. Въ то время вошло въ моду у молодыхъ офицеровъ, въ нѣкоторыхъ конныхъ гвардейскихъ полкахъ, учиться вольтижированію на лошадахъ, то старшій братъ мой, служившій въ Семеновскомъ полку, учился то же съ ними въ манежѣ. Увидаль я однажды это ученіе, и мнѣ оно очень понравилось; я сталъ тоже учиться вольтижировать; верховая ѣзда, со всѣми ея наѣздническими хитростями, хорошо мнѣ была извѣстна, почему я былъ совершенно свой на лошади; при врожденной же легкости прыгать, я скоро сдѣлался первымъ вольтижеромъ между всѣми учащимися; свободно и легко дѣлалъ на полномъ карьерѣ лошади всѣ штуки, исполняемыя въ циркахъ и одинъ изъ всѣхъ учащихся ѣздилъ, стоя на лошади. Я почти одинъ изъ послѣднихъ началъ ѣздить въ манежъ, и не прошло мѣсяца, какъ перегналъ всѣхъ тамъ учащихся. Все, что дѣлается подъ вліяніемъ моды, а не по дѣйстви-тельному побужденію узнать и научиться, бываетъ всегда непродол-жительно и проходитъ вмѣстѣ съ модою; а еще болѣе избалован-ная свѣтская молодежь не выдерживаетъ ни ученія, ни занятій, гдѣ требуется постоянный трудъ; его они боятся, какъ физиче-скаго, такъ еще болѣе моральнаго. Можетъ быть нѣкоторые изъ молодежи и хотѣли бы чему-нибудь выучиться, еслибъ можно было какую-нибудь науку вдругъ проглотить, какъ ложку лекар-ства, только не много поморщась отъ горечи принятаго; у нихъ вѣроятно стало бы духу приняться за такую науку. Такъ и тутъ

случилось; изъ большого количества богатой, образованной молодежи, бросившейся учиться вольтижировать на лошадяхъ, спустя весьма короткое время, не осталось никого: одни должны были кинуть учиться вольтижировать по совершенной ихъ неловкости, другіе, увидя, что сдѣлаться искусными вольтижерами въ нѣсколько дней невозможно, а что на это нужно много времени, упорнаго труда и терпѣнія, котораго они боятся, какъ огня, оставили манежъ. Продолжали учиться вольтижировать я съ братомъ, да еще человѣкъ десять статскихъ. Но это продолжалось, къ крайнему моему сожалѣнію, очень не долго; содержать лошадей для малаго числа учащихъ оказалось очень невыгодно для берейтора, почему онъ, продавъ лошадей, уѣхалъ на родину.

Я былъ также страстный охотникъ биться на рапирахъ. Сначала учился на эспадронахъ у Вальвиля, но всегда предпочиталъ рапиры эспадронамъ и саблямъ, потому что въ *assaut* на рапирахъ, при большомъ проворствѣ и искусствѣ владѣть рапирой, надобно имѣть гораздо болѣе тонкости въ соображеніи дѣйствій при нападеніи и оборонѣ; болѣе хитрости въ умѣнн заманить своего противника на то дѣйствіе съ его стороны, которое выгодно для нанесенія ему рѣшительнаго штоса. Надобно умѣть читать въ глазахъ и въ выраженіи лица противника, что намѣревается онъ дѣлать и предупреждая во всѣхъ его дѣйствіяхъ, тщательно отъ него скрывать собственныя намѣренія. Въ рапирномъ *assaut* гораздо болѣе игры и соображенія, нежели на эспадронахъ и сабляхъ, гдѣ первенство зависитъ болѣе всего отъ быстроты дѣйствій.

На рапирахъ первоначально я учился у Разинкина, Данилова и Тарасова, фехтмейстеровъ въ корпусахъ; всѣ они были лучшими учениками Севербрика, считавшагося однимъ изъ лучшихъ и первыхъ фехтмейстеровъ въ Европѣ. Многіе годы я ни разу не пропускалъ офицерскихъ фехтовальныхъ классовъ во флигеляхъ Михайловскаго замка; ко мнѣ продолжалъ ходить биться, два раза въ недѣлю, Даниловъ, который бился очень проворно; Севербрикъ, увидавъ однажды меня, бившагося въ офицерскомъ классѣ, и зная мою страсть къ фехтовальному искусству, изъявилъ готовность давать мнѣ окончательные уроки; они продолжались съ полгода.

Вскорѣ по выпускѣ моемъ въ офицеры, извѣстный своею ев-

ропейскою ученостію, математикъ, членъ нашей Академіи Наукъ профессоръ Фусъ, преподававшій у насъ, въ морскомъ корпусѣ, на французскомъ языкѣ высшія вычисленія и механику, зная о моемъ желаніи продолжать учиться математикѣ, предложилъ ходитъ къ нему и пользоваться его уроками, безъ всякаго вознагражденія. Онъ меня и въ корпусѣ очень любилъ за мое прилежаніе.

Однажды батюшка привезъ мнѣ стеклянный патъ, изображающій портретъ Наполеона Бонапарта. Вещица мнѣ, очень понравилась, и я на моемъ рабочемъ столѣ, взявъ огарокъ чистаго воску, подкрасилъ патъ тѣльнымъ цвѣтомъ и выгнпилъ на самомъ столѣ, съ помощію ножичка и булавки, очень вѣрную копію съ этого каме. Когда при свиданіи Фусъ увидалъ у меня на столѣ эту вещицу, то она ему очень понравилась, узнавъ же, что это дѣлалъ я, и какимъ способомъ, онъ удивился и сказалъ, что я имѣю большія способности къ художествамъ. Фусъ совѣтовалъ мнѣ не оставлять этого занятія, какъ самаго пріятнаго препровожденія времени. Въ слѣдующее свиданіе онъ мнѣ далъ для пробы бронзовую медаль, выбитую въ честь одного германскаго ученаго съ его портретомъ. Я скопировалъ этотъ портретъ на круглой аспидной дощечкѣ. Фусъ, увидя копію, напелъ, что у меня есть рѣшительный талантъ къ художествамъ и совѣтовалъ непремѣнно идти въ Академію Художествъ, спросить тамъ медальерный классъ и познакомиться съ какимъ-нибудь изъ учениковъ этого класса, чтобъ узнать у него, какъ готовится воскъ для лѣпки, и какіе на то употребляются инструменты. Я не замедлилъ, отправиться, въ первое свободное время, въ Академію Художествъ; отыскалъ медальерный классъ, гдѣ и познакомился съ ученикомъ Шиловымъ. Онъ научилъ меня готовить воскъ для лѣпки изъ него модели и красить его въ пріятный тѣльный цвѣтъ; снабдилъ меня разной величины стеками пальмоваго дерева, которыми очень ловко лѣпить, и далъ мнѣ скопировать профильную голову римскаго консула Каракаллы. Съ этихъ поръ я сталъ посѣщать медальерный классъ всегда, когда только позволяли мнѣ занятія науками.

Работа изъ воска мнѣ очень понравилась и не прошло и трехъ недѣль, какъ я совершенно хорошо изучилъ всѣ тонкости и механизмъ лѣпленія изъ воска; но объ академическомъ искусствѣ рисованія я не имѣлъ понятія, и все мое знаніе художествъ

ограничивалось умѣніемъ лѣпить изъ воска головки и портреты съ натуры.

Въ медальерномъ классѣ я, между прочимъ, учился рѣзать на стали. Съ мѣсяць спустя, послѣ того, какъ началъ я ходить въ этотъ классъ, въ одно утро зашелъ туда профессоръ скульптуры Прокофьевъ, весьма талантливый художникъ. Удивленный, при видѣ молодого флотскаго офицера, занимающагося лѣпкою изъ воска, онъ подошелъ ко мнѣ, внимательно разсмотрѣлъ мою работу, спросилъ фамилію и о томъ, съ какаго времени занимаюсь я лѣпкою; онъ нашелъ во мнѣ очень большія способности къ художествамъ. Узнавъ о страстномъ желаніи моемъ учиться имъ, Прокофьевъ спросилъ: «скажите, какъ вы хотите учиться? Основательно какъ художникъ, или, какъ всѣ ваши братья-дворянчики, только для забавы?»

Въ этотъ моментъ почувствовалось мнѣ настоящее мое призваніе, я созналъ, что только слѣдуя ему, могу я, по всегдашнему моему желанію, быть обязаннымъ только себѣ и избѣгнуть всякихъ покровительствъ и протевцій. Я рѣшился посвятить себя художествамъ и отвѣчалъ Прокофьеву, что хочу знать и научиться искусству основательно и сдѣлаться, если буду въ силахъ, настоящимъ художникомъ.

«Когда такъ, то оставьте теперешнее ваше занятіе изъ воска, а попросите у вице-президента дѣйст. ст. совѣт. (Чикалевскаго) билетъ на право посѣщенія художественныхъ академическихъ классовъ и начните учиться съ самаго начала, по принятому въ Академіи курсу».

На другой день я уже имѣлъ этотъ билетъ и въ пять часовъ, послѣ обѣда, явился въ рисовальный классъ. Натурные классы начинались въ 5-ть часовъ и окончивались въ 7, самое удобное для меня время по моимъ служебнымъ занятіямъ, и я всякій день въ положенные часы ходилъ изъ Семеновскаго полка въ академическіе классы; а дома, въ свободное отъ учебныхъ занятій время, лѣпилъ изъ воска портреты съ натуры. Послѣ перваго пробнаго рисунка съ оригиналовъ головы Апполона въ Академіи, я былъ помѣщенъ въ рисовальный классъ съ оригиналовъ цѣльныхъ фигуръ, а недѣли чрезъ двѣ или три перешелъ въ гипсовый классъ съ бюстовъ. Въ этомъ классѣ учили академики, опредѣленные къ тому по дежурствамъ на всю недѣлю.

Тутъ я познакомился съ однимъ изъ лучшихъ рисовальщиковъ натурнаго класса, получившаго обѣ серебряныя медали, Орестомъ Адамовичемъ Кипренскимъ. Зная обычай академическихъ профессоровъ и академиковъ считать приходящихъ учениковъ за что-то ничтожное, не заслуживающихъ никакого вниманія, и никогда ничего не показывающихъ приходящимъ ученикамъ, Кипренскій пришелъ въ гипсовый классъ, въ первый день послѣ моего туда поступленія, и сдѣлался моимъ руководителемъ въ этомъ дѣлѣ, столь трудномъ для начинающаго, въ первый разъ, рисовать съ гипсовыхъ головокъ. Съ того времени, видя мое сильное желаніе учиться, Кипренскій приходилъ ко мнѣ въ классъ каждый вечеръ и чрезвычайно дѣятельно толковалъ мнѣ о лучшемъ способѣ рисовать съ гипсовъ, такъ что мѣсяца черезъ три я былъ переведенъ въ классъ гипсовыхъ фигуръ. Орестъ Адамовичъ и въ этомъ классѣ продолжалъ меня посѣщать и давалъ свои умныя и очень полезныя наставленія. Я собственно ему и его благороднымъ указаніямъ обязанъ моимъ быстрымъ успѣхамъ въ гипсовомъ классѣ, которыми такъ удивлялись въ Академіи.

Не болѣе какъ чрезъ два мѣсяца я былъ переведенъ въ натурный классъ. Въ немъ учили профессора, отправлявшіе свое дежурство по недѣльно; каждый разъ, смѣняя другъ друга, они мѣняли позу натурщика. Рисунковъ съ натуры, въ теченіе недѣли, нужно было приготовить и представить въ субботу на экзаменъ, гдѣ на немъ ставили нумеръ, соотвѣтствующій его достоинству; имена учениковъ, выставившихъ свои рисунки на экзаменъ, не сказывались экзаменаторамъ. Каждую треть года ставилась «на натуру» группа изъ двухъ натурщиковъ на двѣ недѣли, за которую получившіе первые нумера удостоивались сначала серебряныхъ — вторыхъ, а потомъ первыхъ медалей. Пока рисовались рисунки во всѣхъ классахъ Академіи, учениковъ не выпускали изъ класса, чтобы они не давали оканчивать за себя работу другимъ воспитанникамъ, лучше ихъ рисующимъ. Кипренскій, продолжавшій рисовать въ натурномъ классѣ, подходилъ ко мнѣ показывать и учить, какъ должно писать съ натуры. Въ началѣ онъ приходилъ даже раза по два и по три въ теченіе двухчасовыхъ классовъ, потому что профессора, дежурившіе и въ натурномъ классѣ, также по недѣлямъ, очень небрежно отно-

Сились въ постороннимъ лицамъ, приходившимъ учиться художеству, и никогда не останавливались у нихъ, чтобъ сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе насчетъ ихъ работъ, а проходили мимо и показывали только казеннымъ ученикамъ. Только профессоръ скульптуры Провофьевъ, во время своего дежурства, не пропускалъ никого въ классъ, ни казенныхъ, ни вольно-приходящихъ, и всѣмъ одинаково показывалъ и объяснялъ, что надо наблюдать при рисованіи и лѣпкѣ съ натуры. Странное недоброжелательство профессоръ къ постороннимъ ученикамъ меня чрезвычайно удивляло и, не касаясь личныхъ достоинствъ каждаго въ художественныхъ занятіяхъ, сильно уменьшило уваженіе къ нимъ, какъ къ учителямъ. На меня, перваго изъ дворянъ, къ тому же еще съ титуломъ графа и въ военномъ мундирѣ, начавшаго серьезно учиться художеству и ходить въ академическіе классы, они смотрѣли съ какимъ-то негодованіемъ, какъ на лицо, оскорбляющее и унижающее ихъ своею страстію къ искусству; въ особенности скульпторъ Мартосъ вездѣ съ насмѣшкой и пренебреженіемъ говорилъ о моемъ желаніи быть, въ одно и то же время, графомъ, военнымъ и художникомъ, чего, по его мнѣнію, дворянину достигъ невозможно. Я не обращалъ вниманія на глупыя сужденія Мартоса и продолжалъ усердно посѣщать натурные классы, не пропуская ни одного. Освоюсь съ рисованіемъ съ натуры, благодаря совѣтамъ Кипренскаго, я сталъ думать, какъ бы увеличить время, положенное для рисованія съ натуры; двухъ часовъ въ день казалось мнѣ мало. Для усовершенствованія себя въ технику рисованія съ натуры и для изощренія памяти при изученіи натуры въ разныхъ ея положеніяхъ, я придумалъ заготовить у себя дома папку съ такою же точно бумагою, какая была у меня въ натурномъ классѣ, для того, чтобы, приходя изъ Академіи, рисовать на ней на память натуру, поставленную въ классѣ, и такъ продолжалъ рисовать всю недѣлю. Такъ я дѣлалъ при каждой новой позѣ натурщиковъ, а также и по третямъ, при постановкѣ группъ. Позже я завелъ у себя большую деревянную доску, выкрашенную черной краской и вылакированную, на которой рисовалъ мѣломъ, то же наизусть, въ натуральную величину тѣ модели, которыя ставились въ натурномъ классѣ. Этотъ, мною изобрѣтенный, способъ учиться принесъ мнѣ много пользы, потому что ускорилъ и много способствовалъ изученію натуры.

Я много также рисовалъ съ гипсовыхъ анатомій, которыя находились въ Академіи.

Въ продолженіе моего ученія въ натурномъ классѣ, я не разъ получалъ на моихъ рисункахъ нумера, за которые казенные ученики получали серебряныя медали; но такъ какъ въ статутѣ Академіи на этотъ счетъ ничего не было сказано о вольно-приходящихъ ученикахъ, то имъ и не давали медалей, а потому я ихъ и не получалъ. Для изученія женскихъ формъ я ходилъ рисовать въ античныя галлерей Академіи, гдѣ рисовалъ также и съ другихъ античныхъ статуй, причеъ восхищался изящною красотою формъ и позами этихъ превосходныхъ произведеній древности. Увлечшись красотою статуй Греціи, полюбилъ ея высокія произведенія въ барельефахъ и скульптурѣ, въ саркофагахъ, жертвенникахъ, вазахъ, чашахъ, канделябрахъ, лампахъ, мебели, колесницахъ и т. д.; со всѣхъ этихъ произведеній искусства древней Греціи я много рисовалъ, старательно и долго ихъ изучалъ, и вполнѣ полюбилъ древнюю Грецію; сталъ читать и изучать все, что было писано о нравахъ, обычаяхъ, внѣшней и домашней жизни этого знаменитаго, отличавшагося необыкновеннымъ, изящнымъ вкусомъ и образованнѣйшаго народа въ древности, объ ихъ храмахъ, публичныхъ зданіяхъ, жилыхъ, изящно украшаемыхъ домахъ. Изучалъ также ихъ домашнюю утварь, женскіе костюмы и головные уборы. Обыкновенныя мужскія одѣянія у нихъ также изящны, какъ и военныя, только гораздо проще въ украшеніи, ибо шлемы ихъ военныхъ, щиты, рубоюти, ножны мечей и гнемиды украшаются богатыми, изящными рельефными работами; ихъ необыкновенной формы колесницы украшены искусной работой. Извѣстно, что любовь къ изящному у древнихъ грековъ до того была развита, что они украшали малѣйшія бездѣлушки своего быта: вѣсы, безмѣны, молотки; даже ихъ гвозди имѣютъ красивую форму. Объ ихъ превосходныхъ бронзовыхъ и мраморныхъ произведеніяхъ и говорить нечего. Набонецъ, ихъ разнообразныя музыкальные инструменты всегда отличались красивыми формами.

Въ то время, когда я со всѣмъ пыломъ молодости отдался занятіямъ въ Академіи, меня перевели изъ Петербурга въ гребной флотъ, находящійся въ Роченсольмѣ, и я получилъ приказаніе туда явиться. Это меня очень встревожило, потому что мнѣ прихо-

дилось превратить мои занятія, да кромѣ того, и общество въ Рочен-сольмѣ состояло изъ однихъ морскихъ офицеровъ, которые ни чѣмъ другимъ не занимались, кромѣ карточной игры, безпрестанныхъ по-поекъ и развратныхъ забавъ. Родители мои точно также, какъ и я, были встревожены этимъ переводомъ. На другой день, послѣ получения приказа ѣхать въ Финляндію, я просилъ графа Петра Александровича Толстаго, тогдашняго военнаго генераль-губернатора Петербурга, у котораго въ домѣ я принять былъ, какъ сынъ, чтобы онъ попросилъ исправляющаго должность морскаго министра, вице-адмирала Чичагова, оставить меня въ Петербургѣ. Петръ Александровичъ, зная о моихъ занятіяхъ, общался на другой же день поговорить объ этомъ съ Чичаговымъ и былъ увѣренъ, что тотъ исполнить его просьбу. Черезъ день Петръ Александровичъ велѣлъ мнѣ явиться къ Павлу Васильевичу Чичагову.

Въ первое приемное утро, въ 8 часовъ, я былъ у министра. Онъ тогда жилъ на Васильевскомъ островѣ, по набережной, недалеко отъ Горнаго корпуса, въ собственномъ домѣ. Когда доложили Чичагову о моемъ приходѣ, онъ позвалъ меня въ кабинетъ, гдѣ сталъ разспрашивать о моемъ ученіи въ корпусѣ, о занятіяхъ по выходѣ въ офицеры, что было сдѣлано, какъ я видѣлъ, съ намѣреніемъ испытать меня и повѣрить то, что, какъ кажется, ему хорошо было извѣстно изъ отчета корпуса. Поговоривъ и отпуская меня, онъ сказалъ: «Вы останетесь здѣсь». Совершенно счастливый я вышелъ отъ него и не шелъ, а летѣлъ домой. Обрадованный словами Чичагова, я спокойно занимался дѣломъ, не смотря на то, что три раза получалъ письменныя приказанія отъ начальника гребнаго флота явиться. Въ послѣднемъ приказаніи было сказано, что если я чрезъ двадцать четыре часа не отправлюсь на котку, то завтрашній день буду туда отправленъ съ фельдъегеремъ. Съ этимъ приказомъ я тотчасъ же поѣхалъ къ Чичагову и получилъ отъ него отвѣтъ: «Я вамъ сказалъ, что вы не поѣдете на котку; отправляйтесь спокойно домой».

Приказы по войску, отдаваемые государемъ, по утрамъ приносились брату фельдфебелемъ его роты и всегда читались батюшкой вслухъ. Съ какимъ удовольствіемъ прочли всѣ мы въ приказахъ того дня, въ который я ходилъ къ Чичагову, слѣдующее:

«1804 года, 23-го іюня, гребнаго флота мичманъ графъ Тол-

стой, назначенъ адъютантомъ къ исправляющему должность министра морскихъ силъ, вице-адмиралу Чичагову.

Это было тѣмъ удивительнѣе, что при вступленіи на тронъ Павла I всѣ личные генеральскіе адъютанты были вовсе уничтожены во всемъ русскомъ войскѣ и оставались адъютанты только при штабахъ и полкахъ, да царскіе генераль- и флигель-адъютанты, что не было отмѣнено и при вступленіи на престолъ Александра Павловича. Черезъ это назначеніе адъютантомъ къ Чичагову, я сдѣлался первымъ и единственнымъ генеральскимъ адъютантомъ во всемъ русскомъ войскѣ со времени кончины Екаторины II.

Въ томъ же году, по представленію министра Чичагова, былъ измѣненъ мундиръ моряковъ и сдѣланъ гораздо удобнѣе для флотскихъ офицеровъ. Парадный мундиръ остался прежняго покроя и цвѣта, кромѣ стоячаго бѣлаго, съ вышитыми золотомъ якоряки, воротника, замѣняемаго зеленымъ, съ прежнимъ шитьемъ. Что касается нижняго платья, то вмѣсто бѣлыхъ узкихъ панталонъ, входящихъ въ сапоги, съ гуарскою венгеркою, были введены широкія панталоны зеленого цвѣта, идущія сверхъ сапогъ, при чемъ носилась шпага. Вмѣсто трехугольной, высокой шляпы, съ огромной золотой петлицей, съ звѣздой, въ срединѣ которой пристегнута была кокарда, а отъ кокарды шло большое бѣлое перо, какъ у конныхъ, — назначена небольшая, низенькая трехугольная шляпа, на манеръ англійскихъ, съ петлицей изъ усакаго, прикрѣпляющаго кокарду, галуни. Къ парадному мундиру прибавленъ для всѣдневнаго ношенія вицъ-мундиръ, покроя двубортнаго фрака, только съ стоячимъ воротникомъ; съ нимъ носились шерошіа, идущія сверхъ сапогъ, панталоны. При вицъ-мундирѣ носили не шпаги, а бортики, которые носятъ и теперь; шляпа была та же, что и при парадныхъ мундирахъ.

II.

Въ 1809 году скончалась наша добрая матушка. Батюшка уѣхалъ въ Москву, а я съ сестрой переселился къ дядюшкѣ Петру Александровичу Толстому, который былъ въ Петербургѣ генераль-губернаторомъ и жилъ на дворцовой набережной въ казенномъ, бывшемъ графа Остермана, домѣ. Петръ Александровичъ находился или въ родствѣ, или въ короткихъ связяхъ съ большею частію вельможъ, составлявшихъ дворъ Александра Павловича, а потому, живя у него, я имѣлъ случай познакомиться съ лично

стями, игравшими при дворѣ первыя роли. Моральныя свойства и качества большинства придворныхъ всегда и всюду одинаковы, начиная съ дворовъ императорскихъ и кончая дворами германскихъ владѣтельныхъ князей, исключая, разумѣется, людей государственныхъ, отличающихся своими достоинствами, умомъ и приносимою отечеству пользою. Исключая сихъ послѣднихъ, дворы обыкновенно состоятъ изъ людей знатныхъ фамилій, избранныхъ не по ихъ достоинствамъ, а по прихоти или по проискамъ и интригамъ, изъ людей безъ настоящаго образованія ума и сердца, безъ необходимыхъ каждому, истинно-просвѣщенному человѣку познаний, а между тѣмъ властелина должны бы были окружать люди съ этими именно качествами. Но они большею частію окружаются народомъ, съ наружною только полировкой салоннаго воспитанія; людьми, которыхъ наука и знаніе состоятъ въ умѣньи сколь возможно лучше льстить, ловко подличать и хитро интриговать. Какъ себя-любивые эгоисты, они не любятъ другъ друга и, ложимая при встрѣчкѣ руку, въ то же самое время стараются изобрѣтать надежное средство, какъ бы хорошенько надуть пріятеля и очернить его, для своей выгоды, передъ властителемъ, при этомъ конечно обманываютъ и самого господина.

Петръ Александровичъ Толстой жилъ открытымъ домомъ, и потому за обѣдами и на вечерахъ, вромѣ родныхъ и близкихъ знакомыхъ, у него бывало много и постороннихъ. Почти ежедневными посѣтителницами были двѣ сестры Маріи Алексѣевны, жены Петра Александровича, фрейлины большого двора, княжны Софья и Елизавета Алексѣевны Голицыны, впоследствии вышедшія замужъ. Елизавета—была миниатюрное, довольно иттергенное, отъ природы неглушое и доброе существо, но со всѣми прихотями и странностями нашихъ знатныхъ и богатыхъ барышень вышшаго круга того времени и особенно приготовляемыхъ во дворѣ; она вышла за графа Остермана-Толстаго; Софья—высокая, худощавая, очень дурная лицомъ, выражающимъ въ самыхъ непріятныхъ чертахъ душевныя ея качества, вапризная къ влади, вышла за меньшаго брата парижскаго эмигранта, графа Сенъ-При. Два брата Сенъ-При эмигрировали въ Россію въ царствованіе императора Павла I и были опредѣлены офицерами въ Семеновскій полкъ; меньшій братъ впоследствии порешель нтъ гвардіи въ камеръ-юнкеры.

Князь Егоръ Алексѣевичъ Голицынъ, родной братъ Маріи Алексѣевны, получилъ воспитаніе въ Парижѣ, куда на одиннадцатомъ году былъ отправленъ, съ французомъ-гувернёромъ, родными тетками, графинями Апраксиными. Французъ ничему не научилъ его и онъ, восемнадцати лѣтъ, вернулся въ Петербургъ съ знаніемъ только французскаго языка и совершенно отжившимъ человѣкомъ. Единственное достоинство его заключалось въ томъ, что онъ обладалъ чрезвычайно хорошими способностями рисовать каррикатуры. Вслѣдствіе развратной жизни, онъ умеръ на двадцать четвертомъ году. Еще очень часто бывала на вечерахъ и обѣдахъ у моего дяди княжна Туркистанова, самая короткая пріятельница обѣихъ сестеръ Голицыныхъ, любимица Марьи Алексѣевны и ея мужа, дѣвушка уже не первой молодости, очень умная, хитрая, ловкая, веселая и весьма занимательная въ салонныхъ бесѣдахъ. Почтеннѣйшій дядюшка, какъ мнѣ казалось, очень за ней ухаживалъ и она скоро, по его просьбѣ, была сдѣлана фрейлиной большаго двора.

Кромѣ тетусекъ Марьи Алексѣевны и другихъ родныхъ, очень часто также пріѣзжала къ намъ родная сестра Петра Александровича Толстаго, бывшая замужемъ за генералъ-маіоромъ Пашковымъ, очень богатымъ, но безъ всякаго образованія человѣкомъ; впрочемъ, какъ говорили, очень хорошимъ заводчикомъ. Фельдмаршалъ, графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ, вельможа екатерининскаго времени, родной дядя Петра Александровича, тоже бывалъ у насъ не рѣдко, а также и супруга его Наталья Владиміровна, которой всѣ боялись при дворѣ и которая умѣла пріобрѣсти право всѣхъ бранить за все, что только было сдѣлано не по ней. Не описывая придворныхъ, потому что они не представляютъ ничего особеннаго, я не касаюсь и наружности ихъ, за исключеніемъ Салтыкова и кн. А. Н. Голицына, бывшихъ близкими родственниками Марьи Алексѣевны.

Чтобы представить себѣ личность графа Николая Ивановича Салтыкова, надо вообразить себѣ маленькаго роста старичка, худощаваго, сторбленнаго, съ длиннымъ носомъ и въ военномъ мундирѣ. Онъ ходилъ всегда, поддергивая штаны, какъ-будто, боясь, что онѣ свалются; это было очень смѣшно и каррикатурно. Николай Ивановичъ отличился въ Семилѣтнюю войну при осадѣ Кольберга, велъ войну въ Молдавіи, путешествовалъ по Европѣ

при Екаторинѣ II въ званіи воспитателя великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Онъ былъ большой ханжа, носилъ на шеѣ, кромѣ креста, множество маленькихъ финифтяныхъ образковъ, носилъ ихъ даже во всѣхъ карманахъ; впрочемъ, былъ человѣкъ очень умный и свѣдущій, и въ свое время игралъ большую роль.

Противоположность Салтыкову составлялъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, воспитанный при дворѣ, и только для двора. Имѣя отъ природы острый умъ, онъ въ особенности отличался способностію передразнивать и подражать голосамъ другихъ до того вѣрно, что въ другой комнатѣ нельзя было не обмануться и не принять его за того, кого онъ передразнивалъ. Бывши оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, онъ часто пріѣзжалъ къ намъ послѣ засѣданія въ Синодѣ и подсмѣивался, передразнивая бѣлые и черные клубки ихъ голосами. Къ нему я еще возвращусь въ моихъ запискахъ.

Князь Багратіонъ и графъ Витгенштейнъ, пріѣзжая въ Петербургъ, останавливались въ домѣ у Петра Александровича, какъ у короткаго пріятели, и всегда ночевали въ моей комнатѣ. Оба были прекрасные, добрые люди и очень хорошіе генералы, особенно князь Багратіонъ.

Графъ Остерманъ-Толстой, женатый на княжнѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ Голицыной, былъ человѣкъ очень не глупый и храбрый, но чрезвычайно разсѣянный, гордый и напыщенный своею знатностію, при этомъ неизмѣнно жестокой съ своими вѣрными людьми. На высотахъ Кац-баха онъ разбилъ французовъ и потерялъ руку.

Бывалъ нерѣдко у насъ также князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, молодой человѣкъ, прославившійся въ модномъ свѣтѣ остроуміемъ, каламбурами и язвительными надъ всѣми насмѣшками. Еще бывалъ часто Михайло Алексѣевичъ Обресковъ. Будучи не глупъ, онъ, по своему родству и богатству, сдѣлался обычнымъ засѣдателемъ свѣтскихъ салоновъ, въ чемъ и состояла вся его служба отечеству, вознагражденная чиномъ генерала и проч.

Ѣздилъ къ намъ и генералъ Уваровъ, также человѣкъ проводившій время въ свѣтскихъ гостинныхъ; онъ былъ шефомъ кавалергардскаго полка. Уваровъ былъ не далеко, но не въ такой степени, какъ Башутскій, комендантъ нашей столицы, ни

чего незнавшій и ничему не учившійся, кромѣ фронтовой, плацъ-парадной службы. Уваровъ умѣлъ поставить себя такъ, что былъ любимъ государемъ и уважаемъ великими князьями.

Изъ эмигрантовъ, наѣхавшихъ въ Петербургъ во время французской революціи при Екатеринѣ II и Павлѣ I и бывшихъ въ это время въ большой модѣ у нашей знати, а особенно у придворныхъ дамъ, очень хорошо были приняты въ домѣ Петра Александровича Толстаго: маркизь Грамонъ, баронъ или графъ Мастень, старикъ съ молодымъ сыномъ, который былъ прапорщикомъ въ Семеновскомъ полку и состоялъ въ ротѣ моего брата, графа Александра Петровича; два брата Сенъ-При, тоже офицеры Семеновскаго полка и еще нѣсколько другихъ, менѣе значительныхъ эмигрантовъ.

У Марьи Алексѣевны часто, по цѣлымъ утрамъ, просиживалъ патеръ Груберъ, бывшій настоятель іезуитскаго монастыря въ Полоцкѣ. Въ это время онъ былъ уже генераломъ іезуитскаго ордена. Княгиня очень его любила, и вообще Груберъ былъ уважаемъ въ Петербургѣ. Полоцкій іезуитскій монастырь былъ переведенъ въ Петербургъ императоромъ Павломъ I и помѣщенъ въ зданіи католической церкви.

Патеръ Груберъ былъ человекъ высокаго ума и обширныхъ познаній во всѣхъ наукахъ, въ томъ числѣ астрономіи, физики, химіи и во всѣхъ естественныхъ наукахъ; при томъ большой политикъ и, тѣмъ болѣе, замѣчательный, что, хотя и состоялъ іезуитомъ, но отличался прямымъ характеромъ, былъ справедливъ и добродушенъ. При обширныхъ занятіяхъ, сопряженныхъ съ его саномъ, при занятіяхъ науками, Груберъ любилъ искусства, былъ хорошимъ миниатюристомъ на слоновой кости и находилъ время заниматься этимъ искусствомъ.

Узнавъ, что патеръ Груберъ въ Петербургѣ, я отправился къ нему. Онъ, увидя меня, обрадовался, принялъ радушно и пригласилъ ходить къ нему какъ можно чаще, говоря, что съ радостію будетъ помогать мнѣ и давать совѣты по моимъ занятіямъ въ наукахъ и искусствѣ. Съ этихъ поръ почти постоянно, до самой его смерти, я бывалъ у него по два раза въ недѣлю. Его совѣтамъ я много обязанъ въ моемъ самообразованіи.

Еще посѣщали Петра Александровича всѣ шефы стоявшихъ въ столицѣ полковъ, большею частію, генералы павловскихъ вре-

мень; ихъ познанія ограничивались вытягиваніемъ носковъ, ружейными приёмами и полковыми ученіями. Не могу понять, какъ могутъ производить въ генералы людей безъ малѣйшихъ познаній въ необходимыхъ для военнаго начальника наукахъ и ввѣрять такимъ лицамъ распоряженіе войсками на войнѣ. Мнѣ случилось однажды быть въ ихъ обществѣ въ кабинетѣ Петра Александровича Толстаго, гдѣ они разсматривали географическія карты и разные планы, которыхъ у Петра Александровича было большое собраніе. Между прочимъ, зашла рѣчь объ опредѣленіи разстоянія до предметовъ, находящихся на дальнемъ и недоступномъ мѣстѣ, а также объ опредѣленіи высоты горъ; никто изъ присутствующихъ, не исключая и дядюшки, не могъ объяснить, какъ это дѣлается. Когда я, при всей моей застѣнчивости, рѣшился вступить въ ихъ разговоръ и объяснить нѣкоторыя правила геодезій, по которымъ составляютъ топографическія карты, то Петръ Александровичъ съ большимъ удивленіемъ, раздѣленнымъ и другими, спросилъ меня: «Да почему же ты это знаешь?» — «Потому, отвѣчалъ я, что флотскій офицеръ обязанъ знать все, что касается чистой математики».

III.

Изъ дома Петра Александровича мнѣ было недалеко и очень удобно ходить въ медальерный классъ Академіи Художествъ, а вечеромъ отъ 6-ти до 7-ми часовъ въ натурный классъ. Я рисовалъ также и третные рисунки по исторической части, задаваемые казеннымъ ученикамъ и представлялъ ихъ въ Академической Совѣтъ на экзаменъ. У себя дома въ часы, свободные отъ научныхъ занятій, я лѣпилъ изъ воска портреты, которые всѣ находили очень похожими съ оригиналами; сочинялъ и лѣпилъ цѣлыя группы и барельефы, причемъ бралъ сюжеты изъ древней исторіи, греческой міеологіи и изъ богатыхъ интересными сюжетами преданій гомерическихкихъ вѣковъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ я сталъ ходить въ медальерный классъ, случилось мнѣ познакомиться съ старикомъ учителемъ этого класса, Альбрехтомъ, глухимъ и лишеннымъ всякаго образованія евреемъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ царствованіе императрицы Екатерины II для рѣзанія печатей на стали и крѣпкихъ камняхъ, въ чемъ былъ очень ловокъ и хорошо зналъ техническую часть этого искусства; но, кромѣ рѣзанія на

стали и камняхъ (искусство, какъ бы привилегированное еврейскому племени), да способности къ пронырству и искательствамъ; во всемъ прочемъ Альбрехтъ былъ совершенный невѣжда; не говоря уже о научныхъ познаніяхъ и свѣдѣніяхъ въ изящныхъ искусствахъ, не только не умѣлъ рисовать, но даже не зналъ, какъ надо начертить простой профильный глазъ. Приѣхавъ въ Россію, Альбрехтъ вскорѣ сьумѣлъ открыть себѣ дорогу къ нѣкоторымъ знатымъ и богатымъ барамъ, для рѣзанія ихъ печатей, потомъ былъ опредѣленъ медальеромъ на монетный дворъ, гдѣ сталъ рѣзать штемпеля для медалей во вкусѣ весьма плохаго времени медальернаго искусства, оставшагося въ началѣ текущаго столѣтія почти на той же степени развитія, на какой оно было въ XVII вѣкѣ. Штемпеля эти обыкновенно дѣлались по рисункамъ, доставляемымъ медальерамъ монетнаго двора лицами, заказывающими медали. Въ царствованіе императора Павла I, Альбрехтъ былъ сдѣланъ главнымъ медальеромъ монетнаго двора и учителемъ, во вновь учрежденномъ при Академіи Художествъ классѣ, рѣзанія штемпелей на стали. Не смотря на всю ничтожность Альбрехта, какъ художника, надъ которымъ въ Академіи всѣ смѣялись, знакомство съ нимъ было для меня очень полезно, но не ради его искусства рѣзать на стали—эту премудрость я постигъ въ первую же недѣлю моего посѣщенія класса, — а потому, что въ его домѣ я встрѣтилъ двухъ очень умныхъ и ученыхъ нѣмцевъ: профессора нумизматики Круга и члена Академіи Наукъ — Аделунга. Съ перваго же раза я очень понравился этимъ лицамъ и былъ ими обласканъ, въ особенности Кругомъ, который былъ такъ добръ, что предложилъ мнѣ свое руководство въ нумизматикѣ. Кромѣ того, замѣтивъ во мнѣ сильное стремленіе къ приобрѣтенію познаній, этотъ почтенный ученый познакомилъ меня съ профессорами Паротомъ, Моргеристерномъ и Келлеромъ, антикваріями и археологами эрмитажа, которыхъ обширныя познанія имѣли чрезвычайно благодѣтельное вліяніе на мое образованіе. Въ ихъ обществѣ я хорошо выучился нѣмецкому языку, котораго, по выходѣ изъ морскаго корпуса, совсѣмъ не зналъ. Этому много пособило также и частое посѣщеніе мною нѣмецкаго театра, который я очень любилъ.

Первый нѣмецкій театръ въ Петербургѣ былъ устроенъ Коцебу въ зданіи Академіи Художествъ, въ царствованіе импера-

тора Павла Петровича. Въ то же царствованіе, съ отъѣдомъ Коцебу въ чужіе края, онъ прекратился, а потомъ, въ царствованіе Александра I былъ снова возобновленъ, въ одномъ изъ двухъ великолѣпныхъ домовъ противъ Зимняго дворца, антрепренеромъ Мире, бывшимъ фехтмейстеромъ. Представленія этого театра много способствовали моему быстрому изученію нѣмецкаго языка, но не въ такой мѣрѣ, какъ мое знакомство съ одной очень красивой и весьма умной молодой вдовой, баронессой Штейнъ, не знавшей ни слова по-русски.

IV.

Сильно страдая морскою болѣзнію при малѣйшей качкѣ во время морскихъ походовъ, я никакъ не могъ оставаться въ этой службѣ и желалъ перейти въ сухопутную — конную. Командиръ кавалергардскаго полка Уваровъ зналъ, какъ я ѣзжу верхомъ и предложилъ мнѣ перейти къ нему въ полкъ, на что я, разумѣется, съ большою радостію согласился. Вскорѣ Уваровъ доложилъ объ этомъ государю, который изъявилъ свое согласіе на мой переходъ. Но такъ какъ тогда существовало постановленіе не переводить прямо изъ флотской службы въ сухопутную, а только чрезъ годъ по выходѣ изъ первой, то я и подалъ Чичагову просьбу объ отставкѣ. Онъ уговаривалъ меня остаться, говоря: «смотрите, чтобы не обманули васъ эти господа», но я представилъ ему всѣ причины, побуждающія меня оставить флотскую службу и получилъ отставку съ чиномъ лейтенанта и мундиромъ.

Павель Васильевичъ Чичаговъ былъ человекъ весьма умный и образованный. Будучи прямого характера, онъ былъ удивительно свободенъ и какъ ни одинъ изъ другихъ министровъ, простъ въ обращеніи и разговорахъ съ государемъ и царской фамиліей. Зная свое преимущество надъ знатными придворными льстецами, какъ по наукамъ, образованію, такъ и по прямотѣ и твердости характера, Чичаговъ обращался съ ними съ большимъ невниманіемъ, а съ иными даже съ пренебреженіемъ, за что, конечно, былъ ненавидимъ почти всѣмъ придворнымъ міромъ и всей пустой, высокоумной знатію; но Александръ I и императрица Елисавета Алексѣевна его очень любили. Съ низшими себя и съ своими подчиненными и просителями (которыхъ всегда при-

нижалъ безъ малѣйшаго различія чиновъ и званія) Чицаговъ обращался весьма привѣтливо и выслушивалъ просьбы послѣднихъ съ большимъ терпѣніемъ.

Получивъ отставку, я могъ вполнѣ посвятить все свое время научнымъ занятіямъ, въ особенности художеству, къ которому все болѣе и болѣе прилѣплялся. Выставляемые мною на академическихъ выставкахъ барельефы и группы изъ воска и глины, и скульпторныя работы были всегда одобряемы Совѣтомъ; о нихъ уже стали говорить и въ городѣ.

Спустя восемь или девять мѣсяцевъ послѣ моей отставки, государь обѣдалъ у Петра Александровича. Послѣ обѣда Марья Алексѣевна показала его величеству собранныя у ней въ кабинетѣ мои работы изъ воска. Государь позвалъ меня въ кабинетъ; когда я вошелъ, онъ, любуясь и хваля мою работу, сказалъ:

— «Я обѣщаль перевести васъ въ кавалергардскій полкъ; но такъ какъ кавалергардскихъ офицеровъ у меня много, и я могу ихъ нажаловать, сколько мнѣ угодно, а художниковъ нѣтъ, то мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы, при вашемъ талантѣ къ художеству, пошли по этой дорогѣ».

Послѣ этихъ милостивыхъ словъ мнѣ ничего не оставалось, какъ исполнить волю императора.

Какъ ни хотѣлось мнѣ служить въ конницѣ, а особенно въ кавалергардахъ, однако предложеніе императора болѣе всего согласовалось съ моею привязанностію къ художествамъ и съ твердо принятыми правилами быть по службѣ обязану только самому себѣ, получать награды и повышенія отнюдь не съ помощію протекціи и покровительства; для этого я былъ слишкомъ гордъ.

Года два слишкомъ послѣ этого я все оставался никуда не опредѣленнымъ на службу и принужденъ былъ для своихъ нуждъ трудами добывать копѣйку. Хорошо еще, что у меня была даровая квартира въ домѣ дяди, хотя, впрочемъ, прескверная, въ подвалѣ, состоявшая изъ двухъ, весьма небольшихъ комнатъ и сѣней.

Назначенный посланникомъ въ Парижъ, Петръ Александровичъ хотѣлъ взять съ собой и меня, но, по случаю послѣдственности отъѣзда, не взялъ,—ограничившись обѣщаніемъ прислать за мной. Марья Алексѣевна, взявъ съ собой мою сестру, уѣхала въ Москву, а я оставался еще въ генераль-губернаторскомъ домѣ.

Въ это время Николай Николаевичъ Новосильцевъ, человѣкъ умный, образованный и честный, былъ присоединенъ къ «триумвирату», какъ называли совѣтъ, составленный Александромъ I для помощи себѣ по управленію государствомъ. Триумвиратъ состоялъ изъ императора и его, какъ онъ называлъ, «друзей», князя Чарторыжскаго, графа Строганова, сына президента Академіи Художествъ, Александра Сергѣевича.

Этому почтенному любителю и знатому изящныхъ искусствъ я сдѣлался извѣстенъ по работамъ моимъ, представляемымъ на академическія выставкі, и былъ имъ любимъ.

Однажды въ 1806 году, въ воскресенье (въ эти дни у Александра Сергѣевича всегда обѣдали его родные и знакомые), Николай Николаевичъ Новосильцевъ, узнавъ, что я болѣе двухъ лѣтъ, оставленный безъ всякаго содержанія, не могу добиться у моего дяди, Николая Александровича Толстаго, оберъ-гофмаршала, доклада обо мнѣ государю, сталъ разспрашивать меня подробно обо всемъ, и я рассказалъ ему, какъ со мной поступлено было по выходѣ моемъ изъ флота, а также и о предложеніи мнѣ государя сдѣлаться художникомъ.

На другой же день послѣ этого разговора я получилъ указъ объ опредѣленіи меня при эрмитажѣ, съ жалованьемъ 1,500 руб. ассигн. Это дало мнѣ возможность оставить помѣщеніе въ домѣ Петра Александровича. На другой же день послѣ полученія указа я переѣхалъ въ наемную квартиру.

Въ это время возвратился меньшей братъ мой, служившій шесть лѣтъ въ англійскомъ флотѣ и во все это время только три мѣсяца проведеншій на берегу, и то въ разные времена. Онъ участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ, во время борьбы Англии съ Америкой и Испаніей, подъ начальствомъ адмирала Сидней-Смита, и былъ, между прочимъ, въ знаменитомъ Трафальгарскомъ сраженіи, подъ командою адмирала лорда Нельсона. Отъ этого знаменитаго моряка братъ мой получилъ чрезвычайно лестные аттестаты. По возвращеніи въ Россію, ему зачислена была служба въ англійскомъ флотѣ за русскую службу. Такъ какъ ему недоставало одного мѣсяца до полученія Георгіевскаго креста за восемнадцать шестимѣсячныхъ кампаній, а онъ очень желалъ получить этотъ крестъ, то и поѣхалъ въ Гельсингфорсъ на транспортъ, отвозившемъ туда провіантъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ я не выходилъ изъ дома, занимаясь моимъ образованіемъ и художествами. Въ это время (въ 1809 году) я имѣлъ несчастіе получить извѣстіе, что транспортъ, на которомъ братъ уѣхалъ въ Гельсингфорсъ, возвращаясь оттуда, по оплошности лоцмана и глупости капитана, разбился о подводный камень въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ берега. Эта катастрофа произошла въ октябрѣ, въ пятницу вечеромъ. Капитанъ, бывшій въ каютѣ, не успѣлъ изъ нея выскочить и погибъ первый, а братъ, бывшій на верху съ командою, когда транспортъ пошелъ ко дну, успѣлъ влѣзть на гафель; команда также спаслась на торчащихъ изъ воды мачтахъ. Братъ, стоя на гафелѣ, по поясъ въ водѣ, посадилъ часть команды на гребныя суда, бывшія на бивштовѣ, отправилъ ее на берегъ подъ начальствомъ младшаго офицера, который тоже спасся на мачтѣ, и, приказавъ ему пріѣхать за остальными, самъ остался, исполняя морской уставъ, по которому командиръ, въ случаѣ гибели судна, спасается послѣднимъ; а братъ, послѣ утонувшаго капитана, былъ старшимъ на транспортѣ.

Когда мичманъ въ послѣдній разъ прибылъ къ мѣсту крушенія за остальной командой, брата моего уже не нашли: надо полагать, что у него отъ холода окостенѣли руки и что онъ, не въ состояніи будучи удержаться, упалъ въ воду. Его искали, но никакъ не могли найти. Тяжело терять родныхъ и разставаться съ ними навсегда, а еще тяжелѣй терять брата, съ которымъ съ дѣтства я росъ вмѣстѣ и былъ друженъ, и который, судя по ученію въ корпусѣ, откуда онъ вышелъ первымъ въ мичмана и по аттестатамъ отъ капитановъ кораблей, на которыхъ онъ служилъ въ англійскомъ флотѣ, и даже лично отъ самаго Нельсона, подавалъ большія надежды быть самымъ полезнымъ слугою отечеству. Въ началѣ его службы морское министерство назначило его, вмѣстѣ съ нашимъ двоюроднымъ братомъ Докторовымъ, вышедшимъ изъ корпуса вмѣстѣ съ братомъ и бывшимъ также въ англійской службѣ, начальниками двухъ фрегатовъ «Кастора» и «Поллуеса», строившихся въ адмиралтействѣ, чтобы быть посланными на три года кругомъ свѣта для какихъ-то розысканій и открытій.

V.

12-го апрѣля 1809 г. я получилъ два первыхъ перстня за восковыя работы, поднесенныя императрицамъ Маріи Ѳеодоровнѣ и Елисаветѣ Алексѣевнѣ; въ послѣдующіе годы я получалъ много перстней.

Зимой ѣздилъ на нѣсколько времени въ Москву, въ отпускъ къ батюшкѣ, жившему у своей матушки. Въ Москвѣ я совершенно нигдѣ не бывалъ, не видалъ ни благороднаго собранія, ни театра, ни англійскаго клуба; изъ родныхъ бывалъ только у графа Ѳедора Андреевича Толстаго.

Это былъ отставной бригадиръ, вышедшій въ царствованіе Екатерины II въ отставку капитаномъ гвардіи. Чинъ давалъ ему право ѣздить шестеркою въ каретѣ; никогда онъ не служилъ, потому что гвардейская служба не могла называться службою, да и ту онъ мало исполнялъ, почти постоянно отпрашиваясь въ отпускъ. Ѳедоръ Андреевичъ былъ давно уже женатъ на единственной дочери богатаго купца, старовѣра Дурасова, котораго тогда уже не было въ живыхъ. Не знаю, каковъ былъ отецъ, а что касается дочери, то это была женщина невѣроятно грязная и скупая, безъ малѣйшаго образованія и воспитанія, не знающая ни читать, ни писать — въ полномъ смыслѣ безграмотная; впрочемъ, отъ природы не глупая. Крестный мой батюшка, графъ Ѳедоръ Андреевичъ Толстой былъ чрезвычайно скупъ всегда, гдѣ дѣло шло о томъ, чтобы пособить бѣдному и избавить его въ крайности отъ совершенной погибели. Для себя, на свои сообразныя съ его умомъ прихоти, онъ былъ вовсе не скупъ. Домъ онъ имѣлъ чрезвычайно богато убранный, наполненный мраморомъ, бронзою и фарфоромъ. Но между этимъ богатствомъ еще замѣтнѣе бросались въ глаза вздорныя бездѣлушки и вещицы, втертыя ему въ руки подъ видомъ древности плутами и иностранными аферистами, для которыхъ подобныя господа сущій кладъ, точно также, какъ и для торгашей картинъ, сбывающихъ имъ копіи вмѣсто оригиналовъ, конечно, за очень хорошую цѣну. Изъ тщеславія графъ Ѳедоръ Андреевичъ Толстой не жалѣлъ ничего на обѣды и балы, которые дѣйствительно были лучшими въ Москвѣ, чему не препятствовала и жена. За то за всеневнымъ ея обѣдомъ совершенно нечего было ѣсть. У ней я въ

первый разъ увидѣлъ, какъ за обѣдомъ, вмѣсто жаркаго, подавали жареные въ маслѣ соленые огурцы.

У гр. Ѳ. А. Толстаго была одна только дочь, лѣтъ 10-ти или 11-ти; при ней была англичанка.

Федоръ Андреевичъ сказалъ мнѣ въ присутствіи жены, что онъ мнѣ, какъ своему крестнику, оставить послѣ себя въ наслѣдство подмосковную деревню Ивановскую съ заводами, какіе тамъ есть; это онъ повторилъ всѣмъ роднымъ, и жена ему не перечила, а между тѣмъ обѣщаніе это такъ и осталось однимъ словомъ.

Еще я бывалъ у двоюроднаго дяди, графа Степана Федоровича Толстаго, но очень рѣдко. Чаще всего бывалъ у двоюродныхъ сестеръ Толстыхъ, жившихъ у своей бабушки, Майковой, и, бывши друженъ съ старшей сестрой, Александрой Ивановной, я познакомился и съ ея короткой пріятельницей, меньшей дочерью Майковой и родной сестрой извѣстнаго поэта Еватеринскихъ временъ, Василя Майкова, женщиной очень умной и превосходно воспитанной; она была замужемъ за Хлюстинымъ, очень богатымъ человѣкомъ. Отецъ этихъ Хлюстиныхъ былъ уменъ и умѣлъ, какъ говорится, выйти въ люди, то есть былъ статскимъ совѣтникомъ изъ простыхъ цѣловальниковъ; жилъ онъ въ Москвѣ роскошно, имѣя свой собственный, хорошій оркестръ музыки. Я очень хорошо сошелся съ Хлюстиной и почти каждый вечеръ проводилъ съ ней у ея матери, или у Александры Ивановны.

По прошествіи пяти мѣсяцевъ, я воротился изъ отпуска въ Петербургъ.

VI.

Съ Пантелеймонской улицы, у Лѣтнаго сада, гдѣ была моя квартира, далеко было ходить въ Академію, а потому я перѣхалъ на Васильевскій островъ и поселился противъ академической литейной. Такимъ образомъ я могъ не тратить времени на ходьбу въ натурный классъ и могъ имѣть подъ руками модели и другія необходимыя пособія для сочиняемыхъ мною восковыхъ и глиняныхъ барельефовъ, которые я выставялъ на академическихъ выставкахъ. Я первый сталъ лѣпить изъ воска большіе барельефы изъ исторіи древней, русской и всемірной, употребляя самыя вѣрныя костюмы; это мнѣ очень удобно было дѣлать, такъ какъ я изучилъ археологію и имѣлъ большое собраніе

костюмовъ, какъ древнихъ, такъ и среднихъ вѣковъ всехъ странъ и народовъ, а также множество описаній ихъ жизни и утвари въ разные вѣка. Боже мой, сколько мнѣ надо было еще учиться, чтобы сдѣлаться хорошо образованнымъ человѣкомъ и художникомъ! Но, Богъ дастъ, думалъ я, терпѣнiе и прилежанiе мнѣ въ этомъ пособятъ!

Кромѣ нужныхъ мнѣ для образованiя положительныхъ наукъ, любя русскую литературу, я прилежно изучалъ нашихъ русскихъ поэтовъ и писателей время Екаторины II и ея преемниковъ. Съ иными я лично былъ знакомъ, съ другими встрѣчался въ литературныхъ обществахъ, гдѣ мы были вмѣстѣ членами, или въ домахъ, гдѣ въ извѣстные дни недѣли по вечерамъ собирались извѣстные въ Петербургѣ своимъ образованiемъ литераторы, разнаго рода ученые, талантливые художники и музыканты; напримѣръ, въ домѣ Алексѣя Николаевича Оленина, извѣстнаго своимъ образованiемъ, любовiю къ искусствамъ и знатока въ нихъ; въ домѣ Дм. Нив. Блудова, тоже очень образованнаго, умнаго, прекраснаго человѣка, очень хорошо знавшаго русскiй языкъ и замѣчательнаго литератора. Еще собирались въ домѣ Муравьевой и въ домѣ Петра Андреевича Кикина, статс-секретаря и докладчика писемъ на имя его величества, человѣка чрезвычайно добраго, прекраснаго и большаго любителя искусствъ¹⁾. П. А. Кивинъ учредилъ «Общество поощренiя художествъ», въ которомъ, по его приглашенiю, участвовалъ и я. Когда общество было утверждено государемъ, предсѣдателемъ его единогласно избранъ былъ Петръ Андреевичъ, секретаремъ—Василiй Ивановичъ Григоровичъ, конференцъ-секретарь Академiи Художествъ, казначеемъ—инженерный полковникъ Андрей Петровичъ Сапожниковъ. Дѣлами общества завѣдывалъ комитетъ, состоявшiй изъ восьми лицъ, выбираемыхъ на три года изъ среды членовъ. Бутурлинъ и я назначены были постоянными членами комитета.

Въ 1809 году, 25-ти лѣтъ отъ роду, въ чинѣ отставнаго флотскаго лейтенанта, я былъ избранъ, за выставляемыя мною на академическихъ выставкахъ работы, почетнымъ членомъ Академiи, тогда какъ не было ни одного изъ почетныхъ ея членовъ мо-

¹⁾ Съ личностью П. А. Кикина читатели «Русской Старины» знакомы по обширному собранiю писемъ къ нему А. П. Ермолова (1817—1832 гг.) См. «Русскую Старину», изд. 1872 г., т. VI, стр. 501—538.

ложе пятидесяти лѣтъ и всѣ они были уже въ большихъ чинахъ. Въ это званіе обыкновенно выбирались люди знатные, могущіе привести пользу художествамъ. Тѣмъ страннѣе было мое избраніе въ почетные члены, что большая часть старыхъ академическихъ профессоровъ не благоволила въ вольно-приходящимъ въ Академію молодымъ художникамъ. Военный чинъ мой также заставилъ ихъ много говорить, въ особенности Мартоса. «Какъ-де могъ президентъ предложить флотскаго лейтенанта въ почетные члены, а не въ академики».

Гр. Э. П. Толстой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ГРАФА Θ. П. ТОЛСТАГО,

Товарища Президента Императорской Академіи Художествъ.

1783 — 1873.

VII¹⁾.

Около 1808 — 1809 гг. явился въ Петербургъ молодой художникъ, прѣхавшій изъ Польши, Орловскій. Онъ бойко рисовалъ каррикатуры и съ поразительнымъ искусствомъ улавливалъ сходство тѣхъ лицъ, которыя попадали въ его до крайности смѣшныя каррикатуры. Не менѣе ловко рисовалъ онъ казаковъ, башкиръ и лошадей, но только казацкихъ, которыхъ онъ хорошо изучилъ. Орловскій отличался большими способностями, но не имѣлъ ни малѣйшей научной подготовки, а объ анатоміи человека не имѣлъ даже ни малѣйшаго понятія; вслѣдствіе этого онъ вовсе не умѣлъ изображать голыя фигуры. Будучи, однако, человекомъ весьма не глупымъ и въ обществѣ находчивымъ и ловкимъ, Орловскій, благодаря своимъ одностороннимъ способностямъ по искусству, скоро вошелъ въ моду между военною молодёжью. Впрочемъ, какъ ему ни хотѣлось получить званіе академика, Совѣтъ Академіи не признавалъ его достойнымъ этого званія. Я тоже очень любилъ Орловскаго и сожалѣлъ, что онъ не будетъ серьезнымъ художникомъ.

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1873 г., т. VII, стр. 24 — 51. Въ первыхъ главахъ «Записокъ гр. Θ. П. Толстаго» вкралось нѣсколько описокъ и погрѣшностей. Въмѣсто нихъ надо читать: на стр. 37, строка 18 сверху, «съ гусарскою вырѣзкою»; на стр. 42, строка 5 снизу, напечатано: «Альбрехтомъ», читай: «Лебрехтомъ»; на стр. 43, строка 9 снизу, читай: «Моргенштерномъ». Кроме

Въ 1811 году скончался президентъ нашей академіи графъ Строгановъ, и на мѣсто его поступилъ Алексѣй Николаевичъ Оленинъ. При всемъ его образованіи, познаніяхъ, любви къ искусству, не смотря на полный авторитетъ, который онъ умѣлъ приобрести до того, что каждое его слово въ высшихъ кругахъ общества было закономъ,—Оленинъ своимъ управленіемъ сдѣлалъ для академіи болѣе вреда, нежели пользы. Алексѣй Николаевичъ былъ слишкомъ самонадѣянъ въ своихъ познаніяхъ и слишкомъ много вѣрилъ въ непогрѣшимость своихъ взглядовъ и убѣждений.

Въ годъ моего избранія почетнымъ членомъ Академіи Художествъ, я, съ позволенія батюшки, женился на бѣдной, благородной и очень доброй дѣвушкѣ, по фамилии Дудиной, хорошо образованной и очень любившей русскую литературу. Послѣ женитьбы переѣхалъ я жить въ домъ моей тещи, такъ какъ женѣ не хотѣлось разстаться съ своей матушкой. Въ ея небольшомъ деревянномъ домѣ, на Васильевскомъ острову, въ 14-й линіи, нанялъ я одну половину и здѣсь устроилъ у себя, по воскресеньямъ, вечера, въ которые собирался у меня кружокъ пріятелей, хотя и немногочисленный, но за то состоявшій изъ людей очень умныхъ и истинно образованныхъ. Это были не изъ тѣхъ людей, къ которымъ принадлежитъ большая часть нашей молодой аристократіи, воспитанной только для балныхъ паркетовъ и салонной болтовни; то были люди, любившіе оте-

того, на стр. 38, строка 6 сверху, послѣ словъ: «германскихъ владѣтельныхъ князей» — вырвѣлся пропустить слѣдующихъ словъ: «исключая, разумѣется, людей государственныхъ, отличающихся своими достоинствами, умомъ и приносимую отечеству пользою. Исключая сихъ послѣднихъ, дворы» и проч. Пропускъ этотъ въ ббльшей части экземпляровъ I-й книги «Русской Старины» исправленъ въ перепечаткѣ двухъ страницъ.

Еще одна замѣтка: по поводу характеристикъ (помѣщенной на стр. 48—49), гр. Федора Андреевича Толстаго, отмѣтимъ, что она тѣмъ интереснѣе, что относится къ человѣку, составившему, какъ всѣмъ, конечно, извѣстно, громадное книгохранилище; изъ этого собранія описаны: славяно-россійскія рукописи въ изд. К. Калайдовича и П. Строева. (М. 1825 г.) и старопечатныя книги славянскія и россійскія въ изд. П. Строева. (М. 1829 г.) Библиотека и собраніе рукописей гр. Федора Андреевича Толстаго, по истинѣ, многоцѣнны; ими собирателя чествовалось какъ мецената просвѣщенія и, между тѣмъ, по свидѣтельству настоящихъ, вполне правдивыхъ «Записокъ», меценатъ дѣйствовалъ исключительно изъ тщеславія и самъ не вѣдалъ значенія своихъ собраній. Характеристика этой, во всякомъ случаѣ, весьма своеобразной личности, въ подлинникѣ Записокъ гр. Ө. П. сдѣлана подробнѣе; для печати авторъ въкоторыя болѣе рѣзкія черты опустилъ. Ред.

чество и постоянно занимавшиеся науками, съ цѣлью быть ему полезными.

Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей, болѣею частію молодыхъ литераторовъ и поэтовъ, изъ близкихъ моихъ родныхъ бывалъ у меня двоюродный братъ, поручикъ Преображенскаго полка. Еще живши съ родителями, я его очень любилъ и онъ мнѣ платилъ тѣмъ же; пріязни нашей не мѣняло совершенное различіе характеровъ. Я всегда былъ тикаго нрава и любилъ занятія, а онъ, хотя и обладалъ весьма умной головой, но былъ большой кутила, первостатейный повѣса и дуэлистъ, такъ что почти не выходилъ изъ-подъ ареста. При всемъ томъ (завѣ это согласить!) графъ Толстой (прозванный впоследствии американецъ), былъ чрезвычайно добръ, всегда былъ готовъ отдать послѣднюю копѣйку бѣдному, честенъ и ни за что не согласился бы обмануть, либо солгать. Въ то же время онъ обыгралъ бы васъ въ карты до нитки! Множество дуэлей было у него изъ-за картъ.

Остальные родные, особенно люди зрѣлаго возраста, были вооружены противъ меня за то, что я избралъ для моего служенія отечеству неблагородную дорогу художника, въ чемъ меня вообще многія изъ лицъ знатныхъ фамилій обвиняли, утверждая, что этимъ поступкомъ безчещу мою фамилію. Таковы были сужденія высшаго круга, а между тѣмъ, не обращали вниманія на то, что въ Россіи бывали иногда губернаторы и другія военно-административныя лица ни наукой, ни опытною вовсе не приготовленныя въ тѣмъ важнымъ государственнымъ должностямъ, которыя они занимали. Таковыхъ невѣждъ въ старинное время особливо много бывало изъ военныхъ; воспитываясь въ военныхъ заведеніяхъ и въ молодости проводя время въ занятіяхъ фронтомъ, они, какъ весьма понятно, не могли пріобрѣтать познаний, необходимыхъ для гражданской службы. А между тѣмъ, впоследствии времени, имъ вѣряли высокіе посты, вѣряли благосостояніе многихъ милліоновъ людей. Издавна многіе удивлялись, почему въ Россіи внутреннее устройство было плохо? У насъ долгое время, какъ министры, такъ и представляемые ими лица на посты губернаторовъ, да генераль-губернаторовъ видно вполне были убѣждены, что съ полученіемъ эполетъ съ толстой бахромой пріобрѣтаются всевозможныя знанія службы по всѣмъ долж-

носямъ; эти господа бывало весьма храбро принимали на себя управление громадными областями, либо цѣлыми учреждениями; словомъ, брали на себя дѣло, въ которому до того никогда не готовились и котораго, слѣдовательно, вовсе не знали.....

Обвиненія на меня сыпались отовсюду. Не только всѣ родные. (кромя моихъ родителей), но даже большая часть постороннихъ, упрекали меня за то, что я первый изъ дворянъ, имѣя самыя короткія связи со многими вельможами, могущими мнѣ доставить хорошую протекцію, наконецъ, нося титулъ графа, избралъ путь художника, на которомъ необходимо самому достигать извѣстности. Всѣ говорили, будто бы я унижилъ себя до такой степени, что наносу безчестіе не только своей фамиліи, но и всему дворянскому сословію. Изъ родныхъ моихъ нашелся даже и такой, съ позолоченнымъ ключемъ назади, человѣкъ, промотавшій два огромныя имѣнія, который писалъ батюшкѣ въ Москву, что я, вѣроятно, сошелъ съума, потому что отказался отъ протекціи оберъ-гофмаршала графа Николая Александровича Толстаго, оставилъ-де всѣхъ родныхъ и дома хорошихъ знакомыхъ, связался съ какими-то нѣмецкими и русскими профессорами и провожу съ ними все время.

Жалкіе, пустые люди! Они не понимали, какую пользу я приобретаю отъ общества этихъ «какихъ-то» профессоровъ, пользу для моего самообразованія, котораго я такъ стремился достигнуть. Между тѣмъ въ подтвержденіе моего сумасшествія этотъ же, ничему не учившійся, чванливый и пустой человѣкъ, написалъ батюшкѣ, что я хожу вездѣ въ дѣтской суконной курточкѣ, въ бѣлыхъ канифасовыхъ шароварчикахъ, въ башмакахъ и безъ галстука, съ отложнымъ воротникомъ отъ сорочки, съ распущенными длинными локонами. Въ этомъ описаніи правда заключалась лишь въ томъ, что я не одѣвался по существовавшей, въ описываемое время, смѣшной, карикатурной, неуклюжей модѣ, не только совершенно скрывавшей фигуру человѣка, но и обезображивавшей его до крайности; въ особенности смѣшна была въ то время одежда, назначавшаяся для обыкновеннаго домашняго костюма. Выходя на улицу и гуляя лѣтомъ, я не радился въ длиннопольный до коблуконъ сюртукъ съ высокимъ отложнымъ воротникомъ, въ узко обтягивавшія ноги пантолоны, входившія до половины икры въ сапоги, съ гусарской вырѣзкой и кисточкой напередѣ, не намер-

тывалъ на шею нѣсколькихъ косынокъ, чтобы составить широкій и высокій галстукъ, который бы скрывалъ всю верхнюю часть моего лица чуть не до верхней губы, и не тратилъ время на завязываніе и расправленіе по модѣ, въ видѣ розана, большаго банта этого галстука; не высиргалъ себѣ затылка и висковъ подъ гребенку и не оставлялъ на головѣ надо лбомъ густаго и довольно высокаго клона волосъ, называемый а-ля-коксъ, который нужно было вбивать и причесывать въ кольца, на что требовалось еще больше времени, чѣмъ на бантъ галстука. Я составилъ себѣ костюмъ простой, легкой, покойный и вполне удобный для занятій. Онъ состоялъ въ короткомъ, до колѣнъ, однобортномъ сюртукѣ, съ нивеньнымъ отложнымъ воротникомъ; сюртукъ шить былъ гладко, по моей талии, и обыкновенно былъ свѣтло-гороховаго сукна. Остальные части костюма: широкая, длинная, бѣлая, канифасная брюки, однобортный жилетъ, чулки и башмаки; на шею я повязывалъ себѣ небольшой кисейный платокъ, связанный напереди большимъ узломъ, изъ-подъ него я выставялъ воротничекъ сорочки. Волосы, отъ природы вившіеся у меня кудрями, я не стригъ по модѣ, а оставлялъ ихъ свободно висѣть кругомъ, лобонами, до самыхъ плечъ. Зимой я ходилъ въ томъ же костюмѣ, только сѣраго сукна.

Любезный мой родственникъ писалъ также батюшкѣ, что я хожу въ моемъ костюмѣ не только по улицамъ, но и во всѣмъ знакомымъ въ гости, и что онъ лѣтомъ видѣлъ меня, такъ одѣтаго, сидящимъ съ президентомъ Академіи Художествъ, графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ на его дачѣ. Правда, что лѣтомъ, живя на дачѣ, на Карповкѣ, я часто бывалъ въ моемъ всѣдневномъ костюмѣ у нашего президента, который меня любилъ, ласкалъ, требовалъ, чтобы я приходилъ къ нему какъ можно чаще и не замѣчалъ, какъ я одѣтъ, по модѣ, или нѣтъ. Но сущая ложь, чтобы я, въ моемъ всѣдневномъ костюмѣ, ходилъ всюду въ гости; вышедъ изъ флота въ отставку съ мундиромъ, я въ немъ обыкновенно ходилъ по гостямъ.

Письмо почтеннѣйшаго дядюшки до того встревожило батюшку, что онъ тотчасъ собрался было ѣхать въ Петербургъ, но былъ остановленъ пріѣзжавшимъ въ Москву вняземъ Егоромъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, съ которымъ я всякій день видался. Онъ успокоилъ батюшку, какъ на счетъ моего костюма,

такъ и относительно всѣхъ моихъ поступковъ и убѣдилъ его въ томъ, что всѣ умные и благомыслящіе люди не только не порицаютъ моихъ дѣйствій, а напротивъ, чрезвычайно хвалятъ и съ презрѣніемъ отзываются о тѣхъ, которые смѣются надо мной, вслѣдствіе того только, что я, будучи слишкомъ двадцати лѣтъ, продолжаю учиться какъ школьникъ.

Первый мой ребенокъ была дочь. О небесной радости, которой мы съ женою были исполнены при первомъ взглядѣ на нашего ребенка, говорить невозможно; подобныя чувства не могутъ быть переданы словами и перомъ; ихъ можно чувствовать, ими можно наслаждаться, но никогда нельзя передать всей глубины и красоты ихъ посредствомъ письма и разсказа. Языка чувствъ, души и сердца мы не имѣемъ; языка же ума, которымъ мы владѣемъ, для этого слишкомъ недостаточенъ и въ лексиконѣ его нѣтъ словъ, которыя бы могли передать въ полной силѣ то, что чувствуется душой и сердцемъ.

VIII.

Въ 1810 году я опредѣленъ былъ, по высочайшему повелѣнію, въ монетный департаментъ по медальерной части. Это было время управленія министерствомъ финансовъ графомъ Гурьевымъ, который, по вступленіи въ министры, очень скоро показалъ Россіи свои обширныя свѣдѣнія по финансовой части: серебряный рубль доведенъ былъ имъ до четырехъ мѣдныхъ рублей ассигнаціями! Если онъ, какъ министръ финансовъ, во всѣхъ своихъ операціяхъ не пользовался ни малѣйшимъ уваженіемъ, то за то по кухмистерской части достигъ неувыдаемой славы, изобрѣтеніемъ великолѣпной гречневой каши («Гурьевская») на мозгахъ изъ говяжьихъ костей, о которой извѣстно было не только въ Петербургѣ и въ Москвѣ, но и въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи.

Графъ Гурьевъ, какъ говорили, сдѣлавшись министромъ, завелъ цвѣтныя линейки въ шнуровыхъ книгахъ кабинета его величества, въ которомъ онъ былъ директоромъ. Насколько эти разныхъ красивыхъ цвѣтовъ линейки облегчали счетоводство, объ этомъ знаютъ бухгалтеры, но по наружности шнуровыя книги дѣйствительно сдѣлались гораздо красивѣе. Вскорѣ Гурьевъ былъ пожалованъ графомъ.

Спустя короткое время послѣ моего опредѣленія въ монетный

департаментъ, министерство финансовъ нашло необходимымъ замѣнить существовавшую мѣдную размѣнную монету новой. Утвержденный государемъ проектъ новой системы мѣдной размѣнной монеты былъ немедленно опубликованъ, съ означеніемъ времени размѣна этихъ монетъ. Господину министру не пришло въ голову, прежде доклада его величеству, осведомиться, можетъ ли Екатеринбургскій монетный дворъ, гдѣ всегда чеканилась мелкая мѣдная монета, въ назначенному времени размѣна старой монеты на новую, заготовить такое ея количество, чтобы не задерживать размѣна. И вотъ, когда уже объявлено было о введеніи въ Россіи новой мелкой размѣнной монеты, оказалось, что Екатеринбургскій монетный дворъ, при его тогдашнемъ составѣ, никакъ не могъ въ назначенному времени изготовить полное количество размѣнной монеты новаго образца. Поэтому министръ, для поправленія своей важной ошибки, которая могла бы поставить въ самое затруднительное положеніе размѣнъ прежнихъ денегъ на новыя, чтобы ускорить заготовку новаго образца монеты, приказалъ рѣзчикамъ передѣла золотой и серебряной монеты, заготовляющейся на монетномъ же дворѣ, оставить на время свое дѣло и заняться приготовленіемъ матошниковъ и штемпелей для чеканки мѣдныхъ грошей. Но такъ какъ этого пособія оказалось недостаточно, то мы, медальеры, не имѣвшіе никакихъ сношеній съ монетными передѣлами, видя затруднительное положеніе монетнаго двора, предложили свои труды на рѣзбу матошниковъ и штемпелей для грошей. Предложенія наши были приняты.

Вмѣстѣ съ другими медальерами, я съ семи часовъ утра до восьми вечера, проводилъ время въ крѣпости, гдѣ находится монетный дворъ, за рѣзбой матошниковъ и штемпелей, которыхъ каждый изъ насъ приготовлялъ въ день по восьми штукъ.

Благодаря неблагоразумнымъ, относительно измѣненія монеты, распоряженіямъ министра, которому, озабоченному съ своими вѣроятными пріятелями потребленіемъ знаменитой «Гурьевской» казни, не было времени думать объ этой финансовой операціи, производство заказанной мнѣ Виленскимъ университетомъ медали въ честь попечителя университета, графа Чацкого, не могло быть мною начато ранѣе какъ черезъ полтора мѣсяца, такъ какъ только къ этому времени работа моя въ крѣпости должна была окончиться.

При поступленіи моемъ на службу въ монетный департаментъ, рѣзба штемпелей для отбивки медалей изъ металловъ производилась такимъ же образомъ, какъ и сотни лѣтъ предъ тѣмъ, медальерами безъ малѣйшаго художественнаго образованія, по рисункамъ, по большей части весьма плохо сочиненнымъ и нарисованнымъ. Таковы были почти всѣ рисунки, которые присылались для изготовленія штемпелей и медалей въ монетный департаментъ отъ разныхъ правительственныхъ мѣстъ, учреждений и заведеній, для раздачи медалей въ награду отличившимся по наукамъ и мастерствамъ, или въ почетъ и намятъ полезныхъ изобрѣтеній, открытій и вообще дѣйствій, долженствующихъ быть переданными позднѣйшему потомству.

Всѣ медали, произведенныя у насъ, со времени появленія ихъ въ Россіи до начала царствованія Александра Павловича, носятъ на себѣ отпечатокъ самаго дурнаго стиля и вкуса, существовавшаго во Франціи и во всей Европѣ во времена Людовика XIV и его преемниковъ. Во Франціи такъ продолжалось до первой революціи; во время консульства въ Парижѣ въ первый разъ появились хорошо сочиненныя и художественно исполненныя медали, съ основательнымъ знаніемъ археологій: то были медали, вычеканенныя на побѣды Бонапарта въ Египтѣ. Онѣ были составлены и исполнены особо существовавшею тогда для сего въ Парижѣ комиссіею, подъ начальствомъ Денона, генералъ-инспектора Парижскаго Музея.

Въ Россіи же медали сочинялись и производились на прежній ладъ, съ полнымъ невѣдѣніемъ въ художествѣ и неумѣніемъ рисовать. Всѣ медали, выбитыя на монетномъ дворѣ до царствованія Александра Павловича, какъ на разные случаи, такъ и въ честь принесшихъ славу и пользу отечеству вельможъ и военачальниковъ, въ честь отличившихся ученыхъ, сановниковъ, учредителей корпусовъ и училищъ благородныхъ дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ и другихъ подобныхъ заведеній, исполнены старинными медальерами съ самымъ плохимъ понятіемъ объ изящныхъ искусствахъ, не знавшихъ даже правильности формъ — ни человѣка, ни животныхъ, еще менѣе знакомыхъ съ архитектурою и перспективою. Таковы же были и штемпеля, рѣзанные главнымъ медальеромъ Лебрехтомъ, изъ переkreщенныхъ евреевъ, бывшимъ тогда уже въ чинѣ статскаго совѣтника. Всѣ эти ме-

дали во вкусѣ время Людовика XIV были наполнены безтолковыми аллегоріями, представлявшими мифологическихъ боговъ въ тѣхъ каррикатурныхъ, фантастическихъ костюмахъ, въ какіе ихъ наряжали въ то время въ театрахъ, звѣрей и птицъ, породы которыхъ невозможно было опредѣлить, уродливыхъ пирамидъ съ висящими на нихъ вензелями и портретами, увѣчанными гирляндами цвѣтовъ, лавровъ и дубовыхъ листьевъ. Представлялись также на медаляхъ уродливые, ни на что не похожіе храмы, тоже украшенные гирляндами, пылающіе жертвенники, колонны и тому подобное. И все это изображено было безъ всякаго вкуса, совершенно несообразно съ природою и безъ всякаго понятія о художествѣ и перспективѣ. Къ довершенію всего этого, между аллегорическими изображеніями мифологическихъ боговъ, людей и животныхъ, зданій и разныхъ вещей, наставленныхъ на медаляхъ безъ всякаго толка и вкуса, по землѣ, воздуху и во всѣхъ направленіяхъ, сновало по нѣсколькѣ преуродливыхъ купидоновъ, одни—съ гирляндами, другіе—съ вѣнками, факелами, стрѣлами и даже пылающими сердцами и портретами въ рукахъ. Это смѣшное, жалкое положеніе медальернаго искусства у насъ на монетномъ дворѣ, стоявшаго внѣ всѣхъ правилъ, требуемыхъ новѣйшей степенью художественнаго образованія, нужно было измѣнить.

Пройдя курсъ художника по скульптурѣ и рисованію, а также и курсъ необходимыхъ каждому художнику наукъ, преподаваемыхъ Академіей Художествъ, я, кромѣ того, старался обогащать себя всѣми познаніями, имѣющими тѣсную связь съ художествомъ. Сдѣлавшись, по волѣ государя, медальеромъ, я изучилъ, кромѣ извѣстной мнѣ художественной части этого искусства, и грубую техническую часть, принадлежащую къ медальному искусству, какъ-то: ковку и закалку штемпелей, дѣланіе пунсоновъ, а также и всю операцію выбиванія медалей изъ металловъ въ исполненные медальерами штемпеля. Эти, чисто механическія производства не принадлежать къ занятіямъ медальеровъ, и для каждаго изъ этихъ занятій на монетномъ дворѣ есть особые мастера. Но я думаю, что медальеръ долженъ знать, какъ дѣлается все, необходимое для производства отбиваемыхъ изъ металла медалей. Поэтому я составилъ себѣ планъ, котораго намѣренъ былъ держаться на принципѣ медальернаго искусства.

Во-первыхъ, думалъ я, буду рѣзвать штемпеля для медалей

не иначе, какъ по рисункамъ, мной самимъ сочиненнымъ и по моделямъ, мною же выгнаннымъ изъ воска, если мнѣ доставлены будутъ письменныя свѣдѣнія, на какой случай, или въ память чего должна быть произведена заказанная мнѣ медаль. Я полагаю, что всякой медали должно было предшествовать сочиненіе и выгнпка модели изъ воска такъ, чтобы всякій, смотря на готовую медаль, могъ узнать, не прибѣгая къ надписи, на какой случай она выбита.

Сочиненіе поручаемыхъ мнѣ медалей и рѣзаніе штемпелей для отбивки ихъ въ металлѣ, я полагаю производить въ античномъ греческомъ вкусѣ, какъ лучшимъ въ изящныхъ искусствахъ. Если изображаемое на медали событіе или дѣйствіе въ память будущимъ вѣкамъ, по поводу какого бы то ни было предмета, по сюжету своему должно быть изображено группою людей, то медаль должна быть сочинена и выгнана изъ воска и съ нея вырѣзанъ штемпель съ строгимъ исполненіемъ красоты и вѣрности природы. Строго соблюдая вѣрность обычаевъ, костюмовъ, мѣстности и страны того времени и тѣхъ лицъ, при которыхъ совершилось долженствующее быть изображеннымъ на медали извѣстное событіе, можно помѣщать въ группахъ, гдѣ не присутствуетъ этому сюжету медали, и голыя фигуры, какъ лучшее украшеніе въ изящныхъ искусствахъ. Какъ людскія группы и одиночныя фигуры во всѣхъ атитюдахъ и позахъ, такъ и аллегорическія изображенія, и вообще все, представляемое на моделяхъ, должно быть помѣщено на фонѣ медалей, на самой срединѣ, и при томъ такъ, чтобы представляло вообще трехугольную форму. При этомъ должно наблюдать, чтобы какъ можно менѣе оставалось пустаго фона, излишество котораго очень вредитъ красотѣ медали. Само собою разумѣется, что для избѣжанія этого, ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ наполнять медаль посторонними вещами, не относящимися къ объясненію того предмета, на какой производится медаль.

Если встрѣчается надобность помѣщать въ медаляхъ дикихъ звѣрей, домашнихъ животныхъ, птицъ и всякаго рода пресмыкающихся, то они должны быть изображаемы совершенно вѣрно съ натурой и всѣ ихъ движенія и дѣйствія должны быть сообразны съ природой и наклонностями изображаемаго животного,

поэтому художникъ-медальеръ необходимо долженъ быть знакомъ съ зоологіей.

Костюмы изображаемыхъ на медаляхъ фигуръ, согласно представляемому фигурами званію и относительно времени и страны, въ которой происходило дѣйствіе, должны быть изображаемы археологически вѣрно.

Такъ какъ нерѣдко случается изображать на медаляхъ различныя зданія, то медальеру необходимо хорошо, вполне основательно знать правила архитектуры и перспективы, чтобы всѣ зданія и вообще все, что передается на медаляхъ, изображать вѣрно; вообще рисунокъ медали долженъ быть исполненъ изящно и строго, сообразно съ натурою и вполне ясно изображать то дѣйствіе, въ память котораго чеканится медаль.

Принявъ должность медальера монетнаго двора, я не оставляя дѣятельно заниматься вообще моимъ образованіемъ. Для этой цѣли, кромѣ домашнихъ занятій и чтенія, я слушалъ всѣ публичныя лекціи по «Статистикѣ» и «Политической Экономіи», читанныя профессоромъ Германомъ; а также по «Исторіи», «Физикѣ», «Химіи» и вообще по всему, имѣющему отношеніе къ естественнымъ наукамъ. Лекціи по «Зоологіи», читанныя въ послѣдовавшее время профессоромъ Куторгой въ университетѣ, я слушалъ два года съ ряду. Я старался пользоваться всеми средствами, которыя могли быть полезны для моего образованія, не пропускалъ ни одного собранія находившихся въ Петербургѣ литературныхъ обществъ, почти во всѣхъ этихъ обществахъ я былъ членомъ. Я былъ весьма хорошо принятъ въ домъ Оленина, бывшаго тогда государственнымъ секретаремъ; человека, какъ я уже говорилъ, весьма образованнаго, чрезвычайно начитаннаго и большаго любителя наукъ, художествъ и искусствъ. Въ назначенные дни недѣли у него собиралось все, что было въ Петербургѣ хорошо образованнаго, отличавшагося своими дарованіями, умомъ и познаніями. Подобные дома могутъ считаться хорошими школами для молодыхъ людей, ищущихъ просвѣщенія. Въ это время мнѣнія Оленина въ столицѣ, какъ я выше замѣтилъ, пользовались неоспоримымъ авторитетомъ. У Оленина я познакомился и очень хорошо сошелся съ Гнѣдичемъ, Крыловымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ и Плетневымъ, также съ Гречемъ, издававшимъ «Сынъ Отечества», а впоследствии (съ 1825 г.) «Сѣверную Пчелу»,

умнымъ молодымъ человѣкомъ, но большимъ болтуномъ; съ отличавшимся тогда своими повѣстями Александромъ Бестужевымъ, умнымъ молодымъ офицеромъ и съ братомъ его, Николаемъ Бестужевымъ, тоже очень умнымъ и образованнымъ морскимъ лейтенантомъ балтійскаго флота. Былъ также знакомъ съ Булгаринымъ, выпущеннымъ изъ кадетскаго корпуса при императорѣ Павлѣ, полякомъ, человѣкомъ не глупымъ, хотя и плохимъ романистомъ. Вскорѣ послѣ моего съ нимъ знакомства, я узналъ, что Булгаринъ не пользовался хорошей репутацией, поэтому въслѣдствіи я съ нимъ совсѣмъ не сходилъся.

Я былъ также коротко знакомъ съ Лобаѳовымъ, учителемъ русскаго языка императрицы Елисаветы Алексѣевны; былъ очень хорошо принятъ Дмитриемъ Николаевичемъ Блудовымъ и супругой его, женщиной чрезвычайно доброй и привѣтливой. У нихъ въ домѣ также, въ назначенные дни, собирались наши литераторы, поэты и вообще отлично образованные люди. Хорошо былъ принятъ я у Муравьевой; съ дѣтьми ея, гвардейскими офицерами, отличавшимися умомъ и образованіемъ, я былъ пріятельски знакомъ.

У Алексѣя Николаевича Оленина, любившаго театръ, какъ и всѣ искусства, разыгрывались иногда артистами нашей театральнаго труппы нѣкоторыя сцены изъ русскихъ пьесъ. Между прочимъ, однажды наша первоклассная трагическая актриса, г-жа Семенова—старшая, въ одной довольно большой сценѣ, представленной въ домѣ Алексѣя Николаевича, не помню, взятой ли изъ какой-нибудь пьесы, или нарочно для сего случая составленной кѣмъ-нибудь изъ нашихъ литераторовъ, играла роль веселой, хитрой, весьма забавной субретки, подшучивающей и выводящей изъ терпѣнія серьезную, трагическую личность, эту послѣднюю роль исполняла И. И. Сосницкій. Сцена эта была исполнена превосходно и совершенно вѣрно, хотя представлена была артистами совершенно противоположныхъ амплуа. Этой сценой оправдывается мое убѣжденіе, что человѣкъ, имѣющій отъ природы истинный талантъ въ какомъ бы то ни было изъ трехъ искусствъ—сценическомъ, художественномъ или музыкальномъ, будучи человѣкомъ умнымъ и вполне образованнымъ и обученнымъ въ томъ искусствѣ, на которое судьба его обрекла,—можетъ съ одинаковымъ успѣхомъ дѣйствовать во всѣхъ отрасляхъ того искусства.

Это и доказала г-жа Семенова, высокая трагическая актриса, представивъ такъ восхитительно шутившую, веселую и хитрую суетку въ сценѣ, разыгранной въ домѣ Оленина ¹⁾).

¹⁾ Для доказательства справедливости моего мнѣнія приведу другой, позитивнѣйшій примѣръ: г-нъ Олбриджъ, природный негръ, въ близость свою въ Петербургъ, обворожившій своимъ искусствомъ трагическаго актера всѣхъ истинныхъ знатоковъ и любителей сценическаго искусства, какъ извѣстно, превосходно разыгрывалъ въ трагедіяхъ великаго Шекспира роли короля Лира, Отелло, жиды Шейлока, и друг.; между тѣмъ, тотъ же Олбриджъ въ одной шутилой пьесѣ, въ свой бенефисъ, сыгралъ неподражаемо хорошо самую комическую и главную роль, на которой держится вся пьеса. Онъ представлялъ простаго, но смышеннаго и забавнаго, любящаго подгулять негра, служащаго работникомъ на фермѣ одного достаточнаго, семейнаго американца. Въ одной сценѣ этой пьесы, сильно крихта подъ тяжестью огромной корзинны, онъ вноситъ ее въ домъ фермера, ставитъ среди комнаты на скамейку и, подойдя къ авансценѣ, съ удовольствіемъ выпрямляетъ свою освобожденную отъ тяжести спину; выталкивая руди, онъ нечаянно, оборотившись назадъ, видитъ выгнѣннаго изъ корзины молодого красиваго мужчину, во мгновеніе исчезнушаго внутри комнаты. Сначала онъ поражается изумленіемъ, но потомъ, смекнувъ въ чемъ дѣло, начинаетъ хохотать отъ всей души, такъ искренно и вѣрно, что зрители невозможно было не раздѣлить съ нимъ этого смѣха. Получивъ за свой трудъ порядочную флягу водки, до которой негры большіе охотники, онъ выражаетъ самымъ смѣшнымъ образомъ свое удовольствіе; любуясь флагомъ, онъ потягиваетъ изъ нея водку; по мѣрѣ отуманивающихся его вынахъ паровъ постепенно развеселяясь, негръ, въ состояніи совершеннаго опьяненія, предается полному веселью. Онъ сбрасываетъ съ себя куртку, но не покидая флаги, начинаетъ пѣть и плясать уморительно смѣшно танцы своего племени, прерывая то и другое, то сильнымъ, безъ причины смѣхомъ, то глоткомъ водки. Повторяя это, онъ доходитъ до того, что ноги отказываются ему служить, и онъ, волнуемая, садится на полъ. Это постепенное охмѣленіе, отъ радостной улыбки при первыхъ глоткахъ водки до совершеннаго опьяненія, было исполнено Олбриджемъ необыкновенно вѣрно и до крайности смѣшно, но безъ всякой натяжки и пошлыхъ фарсовъ. Нпротивъ того, всѣ его движенія, выраженія невозможность закидывающаго негра и производившія такой сильный смѣхъ въ зрителяхъ, были деликатны, даже граціозны. Когда негръ сидѣлъ на полу, изъ внутреннихъ комнатъ потребовали его, придти туда со свѣчей. Какъ уморительно, сидя на полу, доставалъ онъ свою куртку и, добывъ ее, возмиса, отыскивая рукава! Ощупавъ одинъ рукавъ, онъ долго не могъ почать въ него рукой, наконецъ все-таки выдернулъ его на правую руку и, не найдя другаго рукава, остолбѣлъ и не зналъ, что ему дѣлать съ своею лѣвой рукой. Послѣ продолжительнаго смѣшнаго выворачиванія куртки, онъ попадаетъ, наконецъ, рукой въ другой рукавъ и, обрадованный этому, выдергиваетъ его на плечо, хотя рукавъ этотъ оказался у него надѣтымъ вовсе не сверху, а снизу куртки. Негръ этого не замѣчаетъ. Когда изъ внутреннихъ комнатъ раздался второй крикъ съ угрозою, онъ началъ вставать, опираясь на стѣну; ноги его не слушались и не разъ, когда онъ, вставши на ноги и держась за стѣну, отдѣлалъ потомъ отъ нея руки, чтобы идти, ноги не выдерживали качаніе торса;

Что же касается изящныхъ художествъ, то, не упоминая о другихъ художникахъ, довольно назвать одного Микель-Анджело, въ одно и то же время производившаго гениальныя памятники по скульптурѣ, живописи и архитектурѣ, проектировавшаго и построившаго знаменитый куполъ святаго Петра въ Римѣ. Въ музыкѣ мнѣніе мое доказывается тѣмъ, что великіе музыканты писали разнаго рода сочиненія для разныхъ инструментовъ, и если мы не встрѣчаемъ артистовъ, играющихъ въ одно и то же время одинаково хорошо на разныхъ инструментахъ, то причина этого — необходимость долготѣшняго техническаго труда для каждаго инструмента.

IX.

Петербургъ, какъ и вся Россія, находился въ ужасномъ волненіи, когда Наполеонъ объявилъ намъ войну и шель съ соединенными силами всей Европы на наше отечество. По реляціямъ, присылавшимся отъ Барклая-де-Толли, русскія арміи, по оборонѣ западныхъ границъ Россіи, исполняли превосходно отступление предъ несмѣтною арміею гениальнаго полководца, завлекая его въ Смоленску.

Въ столицѣ приуныли, всѣ казенныя мѣста спѣшили вывозить драгоцѣнности Петербурга въ мѣста, безопасныя отъ непріятели. Тысячи повозокъ пригонялись въ городъ, для вывоза отсюда во внутрь Россіи обитательницъ Смольнаго монастыря, институтовъ и двора. Нельзя не вспомнить при этомъ одну черту, дѣлающую величайшую честь царствовавшей тогда государынѣ, — императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ: когда ее спросили, сколько нужно подводъ для вывоза ея вещей, она отвѣчала: «такъ какъ нѣтъ возможности спасти имущество всѣхъ жителей Петербурга до послѣдней бѣдной, то и я должна терпѣть одинаковую съ ними

скользю по полу, ноги расходились въ разныя стороны, и негръ самымъ смѣшнымъ образомъ падалъ на полъ. Наконецъ, поднявшись на ноги и нѣсколько укрѣпясь въ нихъ, онъ пошелъ отыскивать шандалъ со свѣчей; находить его и, желая взять, роняетъ, но подхватываетъ другою рукою наоборотъ, и не замѣчая этого, суетъ шандаломъ къ горящей на стѣнѣ лампѣ: моваясь свою ошибку, негръ смѣется падъ собой и переворачиваетъ шандалъ, но никакъ не можетъ зажечь свѣчи, а потому и заканчиваетъ тѣмъ, что гаситъ и лампу. Испуганный этимъ, вылуча глаза, разинувъ ротъ и растопыривъ руки и ноги, онъ остается въ изумленіи, какъ окаменѣлый. Вся эта сцена, какъ и вся пьеса, была исполнена Олѣридомъ поразительно хорошо.

Гр. О. П. Т.

участъ», и оставила всё свои драгоценности и любимыя венцы, не трогая съ мѣста. Эта кроткая, умная государыня во всѣхъ случаяхъ поступала какъ истинная царица.

Вскорѣ послѣ того, въ полномъ собраніи дворянства послѣдовало весьма шумное, единодушное избраніе графа Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова начальникомъ истрбургскаго ополченія, вслѣдъ за этимъ онъ назначенъ главнокомандующимъ всею русскою арміей.

Я часто видалъ этого знаменитаго военачальника, до назначенія его главнокомандующимъ, у Логина Ивановича Кутузова, съ которымъ онъ былъ близкій родня и другень. Михаилъ Илларионовичъ, съ геніальною способностію военачальника, соединялъ удивительную любезность и остроту въ обществѣ, особенно въ дамскомъ. По желанію супруги Логина Ивановича, Надежды Никитичны, которую Михаилъ Илларионовичъ очень любилъ и уважалъ, я вылѣпилъ ей его портретъ изъ воска. По назначеніи его главнокомандующимъ, въ послѣдніе два дня предъ отправленіемъ въ армію, онъ провелъ оба вечера у Логина Ивановича и Надежды Никитичны, по его желанію, безъ свидѣтелей. Но мнѣ, ходившему въ то время каждый вечеръ читать Надеждѣ Никитичнѣ и Логину Ивановичу сочиненія Пушкина и Жуковскаго, не было воспрещено оставаться, когда пріѣзжалъ въ нимъ Михаилъ Илларионовичъ, и оба эти вечера я провелъ вмѣстѣ съ ними. Михаилъ Илларионовичъ въ эти достопамятные для меня вечера былъ очень веселъ, говорилъ много о Наполеонѣ и шутилъ. Говоря о своемъ отъѣздѣ на другой день въ армію, онъ сказалъ, что если застанеть наши войска еще въ Смоленскѣ, то не впуститъ Наполеона въ предѣлы Россіи. Въ послѣдній вечеръ онъ сидѣлъ у Логина Ивановича не долго, но былъ очень веселъ, и когда пошли провожать его въ переднюю, послѣднія слова, сказанныя имъ смѣючись Надеждѣ Никитичнѣ, были: «я бы ничего такъ не желалъ, какъ обмануть Наполеона».

Между тѣмъ, изъ арміи получались самыя неутѣшительныя реляціи. Наполеонъ, со всей своей арміей, вступилъ уже въ предѣлы Россіи; Кутузовъ не засталъ войскъ въ Смоленскѣ и далъ Наполеону при Бородинѣ первое сраженіе, знаменитое по громадности сражавшихся армій и по искусству, съ которымъ Кутузовъ, командуя малочисленнѣйшими въ сравненіи съ непріа-

тельскою арміею войсками и имѣя менѣе пушекъ, съумѣлъ удержать свою позицію, не уступивъ непріятелю ни клочка земли. Не имѣя достаточно войска, Кутузовъ не могъ загородить Наполеону дорогу въ Москвѣ и оставилъ его туда идти, разославъ летучіе отряды для уничтоженія по этой дорогѣ всѣхъ средствъ къ добыванію продовольствія наполеоновской арміи.

Извѣстіе о вступленіи Наполеона въ Москву привело въ большое уныніе нашу столицу, и нѣкоторые очень сильно стали нападать за это на Кутузова. Но Михаилъ Илларионовичъ, какъ умный, опытный, заваленный въ бояхъ военачальникъ, рассчиталъ, что, пожертвовавъ Москвою и сосредоточивъ свои силы въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, онъ впоследствии будетъ имѣть средства не только выгнать Наполеона съ позоромъ изъ Москвы, но и уничтожить его полчища — и исполнилъ это во славу отчизны и свою. Не долго повеличался надменный Наполеонъ въ голыхъ, обгорѣлыхъ стѣнахъ Москвы. Скоро обрадованы мы были извѣстіемъ объ изгнаніи непріятеля изъ Москвы и о его бѣгствѣ со всей арміею въ самомъ отчаянномъ положеніи, жестоко гонимой и поражаемой со всѣхъ сторонъ до самой границы, за которую успѣлъ уйти только самъ Наполеонъ съ его приближенными маршалами и ничтожнымъ числомъ войска; всѣ почти полчища его остались въ Россіи, погребенными или полоненными со всею ихъ артиллеріею, военными снарядами, полковымъ багажемъ и со всѣми награбленными въ Москвѣ вещами. Убѣжавъ за границу, Наполеонъ опять собралъ большую армію изъ войскъ, остававшихся въ Германіи и посредствомъ новой конскрипціи — со всей Франціи.

Преслѣдуемый за границей нашими войсками, подъ начальствомъ императора Александра Павловича, съ которымъ соединились Швеція, Пруссія и Австрія, Наполеонъ терпѣлъ почти безпрерывныя пораженія, о которыхъ немедленно получались въ Петербургѣ реляціи.

Вскорѣ послѣ перехода за границу государя съ войсками въ 1813 году, Кутузовъ занемогъ и умеръ въ Бунцлау. Тѣло его введено было въ Петербургъ, чрезъ Петергофскія триумфальныя ворота; въ Коломенской части были выпряжены лошади изъ похоронной колесницы, на которой везенъ былъ гробъ съ останками этого знаменитаго вождя, и она везена была до самой Казанской церкви (гдѣ онъ похороненъ), огромной массою народа всѣхъ сословій,

безъ разбора—въ армякахъ, фразахъ, въ статскихъ и военныхъ мундирахъ. Я видѣлъ между ними нѣкоторыхъ въ различныхъ лентахъ черезъ плечо и не съ одной звѣздой.

Когда пришло къ намъ извѣстіе о совершенномъ разбитіи всей собранной Наполеономъ арміи подъ городомъ Лейпцигомъ и о бѣгствѣ его съ этого крѣпкаго пункта, я убѣдился, что пришелъ уже конецъ величію Наполеонова владычества надъ Европой, и тотчасъ началъ лѣпить портретъ нашего императора въ военномъ древне-славянскомъ костюмѣ, въ шлемѣ, съ копьемъ въ правой рукѣ, а въ лѣвой—со щитомъ, по борту котораго въ барельефѣ вылѣпиль пѣшее и конное сраженіе, а въ срединѣ—русскій гербъ. Я изобразилъ государя въ видѣ славянскаго божества Родомысла, которому приписывались качества Минервы и Марса. Восмиугольная внѣшняя форма этого медальона имѣла въ діаметрѣ болѣе четверти аршина; портретъ находился внутри, въ кругу. Вылѣпивъ изъ воска этотъ портретъ, я вырѣзалъ съ него форму въ крѣпкомъ составѣ мѣди, чтобы отливать алебастровые слѣпки и пускать въ публичку. Работая этотъ портретъ, я вдумалъ также, по окончаніи войны (что она скоро окончится совершеннымъ низверженіемъ Наполеона—въ этомъ я былъ увѣренъ), представить всю ее, со вступленія Наполеона съ войскомъ въ предѣлы Россіи, до совершеннаго окончанія войны. Мнѣ не долго пришлось этого ждать. Послѣ многихъ блестящихъ побѣдъ надъ Наполеономъ, въ 1814 году пришла, наконецъ, реляція, возвѣстившая о вступленіи нашихъ войскъ въ Парижъ и о плѣненіи Наполеона. Тогда я немедленно принялся, по собраннымъ донесеніямъ, сочинять и рисовать по той же величинѣ и формѣ, по какой сдѣланъ былъ мною портретъ Александра Павловича, всѣ битвы, которыя, по моему соображенію, наиболѣе способствовали вступленію нашихъ войскъ въ Парижъ и окончанію войны. Для изображенія отечественной войны въ медальонахъ, я избралъ нижепоименованныя сраженія, при чемъ во главѣ всей коллекціи медальоновъ, состоящей изъ 20-ти штукъ, долженъ былъ стоять портретъ государя въ видѣ Родомысла, съ надписью кругомъ: «Родомыслъ девятаго-надесять вѣка».

II-й медальонъ долженъ былъ изображать народное ополченіе; III-й—битву Бородинскую; IV-й—освобожденіе Москвы; V-й—бой при Маломъ Ярославцѣ; VI-й—трехдневный бой при Красномъ;

VII-й — сраженіе при Березинѣ; VIII-й — бѣгство Наполеона за Неманъ; IX-й — первый шагъ Александра за предѣлы Россіи; X-й — освобожденіе Берлина; XI-й — тройственный союзъ; XII-й — сраженіе на высотахъ Кацбаха; XIII-й — бой при Кульмѣ; XIV-й — битва при Лейпцигѣ; XV-й — освобожденіе Амстердама; XVI-й — переходъ за Рейнъ; XVII-й — сраженіе при Бриенѣ; XVIII-й — бой при Арсиель-скоръ-объ; XIX-й — сраженіе при Фершампенуазѣ; XX-й — покореніе Парижа.

Относительно каждаго изъ этихъ сраженій, согласно реляціямъ, я помѣстилъ при рисункахъ краткія описанія. Это огромное предпріятіе, кромѣ моего личнаго, тяжелаго и продолжительнаго труда по лѣпкѣ всѣхъ рисунковъ изъ воска и рѣзбѣ съ нихъ формъ въ крѣпкомъ составѣ, для отливанія гипсовыхъ слѣпковъ, требовало такихъ издержекъ, на которыя у меня, жившаго однимъ жалованьемъ, не было средствъ. Я думалъ: «какъ мнѣ больно будетъ, если не получу отъ правительства пособія, о которомъ буду просить. Тогда я вынужденъ буду отказаться отъ исполненія столь сильно интересующаго меня художественнаго предпріятія».

Между тѣмъ государь императоръ вернулся изъ Парижа. Я, чрезъ оберъ-гофмаршала двора его величества Николая Александровича Толстаго, представилъ императору его портретъ, вылѣпленный изъ воску въ видѣ Родомысла, вырѣзанную съ него въ мѣди форму и гипсовый слѣпокъ, за что получилъ отъ государя брилліантовый перстень въ 1,500 руб. ассигнаціями. Вслѣдъ за симъ какой-то берлинскій чугунный заводчикъ, не знаю отъ кого, получилъ гипсовый слѣпокъ, съ вырѣзанной мною формы портрета Александра Павловича въ видѣ Родомысла и, отливъ съ него множество чугунныхъ экземпляровъ, получилъ за нихъ до пятидесяти тысячъ рейхсталеровъ. Этотъ простой литейщикъ чугунныхъ вещей нашелъ средство чрезъ свою братію нѣмцевъ, которыми наводнена Россія, представить одинъ изъ былитыхъ имъ изъ чугуна Родомысловъ нашему государю и получилъ отъ него брилліантовый перстень въ 5,000 руб., съ вензелемъ его величества, тогда какъ я, сочинившій и вылѣпившій этотъ самый портретъ, и вырѣзавшій съ него форму на мѣди, получилъ, какъ уже упомянулъ, простой перстень въ 1,500 руб. ас.....

Многіе изъ нашихъ гвардейскихъ офицеровъ накупили въ

Берлинъ этихъ, вылитыхъ изъ чугуна, портретовъ нашего царя и привезли сюда, въ полномъ убѣжденіи, что это произведеніе берлинскаго артиста. Тѣ изъ нихъ, которые повороче были со мной знакомы, приносили ихъ показывать, чтобы поразить меня искусствомъ прусскихъ медальеровъ. Я предложилъ имъ потрудиться, если они умѣютъ читать по-русски, прочесть находящуюся подъ портретомъ надпись и имя художника, производшаго этотъ портретъ, и показалъ имъ выѣпленного мною изъ воска Родомысла и мною же вырѣзанную на мѣди форму. На счетъ же отливки изъ чугуна, я объяснилъ имъ, что тутъ нѣтъ никакого особаго искусства и что всякій нашъ чугунный заводчикъ такъ же отливаетъ, какъ заводчикъ въ Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ и всюду.

Вскорѣ послѣ возвращенія государя изъ Парижа, я нарисовалъ начисто сочиненные мною двадцать вышеперечисленныхъ медальоновъ, представлявшихъ отечественную войну 1812, 1813 и 1814 годовъ и, перефлота въ книгу, представилъ его величеству при письмѣ слѣдующаго содержанія:

«Всемигосиавѣйшій Государь! Горя усердіемъ вѣрноподаннаго, любя славу Твоего народа, благоговѣя къ священному имени Твоему и удивляясь со всею вселенною твердости Твоего духа и великииъ, содѣяннмиъ Тобою дѣламъ и подвигамъ, дерзнуть и, въ восторгѣ души моеи, предпринять трудъ, приличный воображенію и рукъ величайшаго художника; но во мнѣ оный есть ни иное что, какъ пламенное чувство засвидѣтельствовать предъ Тобою, Великій Государь, предъ Отечествомъ моимъ и предъ цѣлымъ свѣтомъ, что несмѣнная доселѣ слава нашихъ дней, поражаа умъ и сердце каждаго, можетъ и посредственныи талантъ такъ одушевить, что онъ силою своего усердіа отворитъ себѣ и видетъ во врата грядущихъ временъ. Исполненный сими чувствами дерзнулъ я изобразить въ медаляхъ знаменитѣйшіа событіа 1812, 1813 и 1814 годовъ.

«Прости, Великій Государь, сіе дерзновение! Рука моя слаба, но духъ мой, удивленный Твоими дѣлами, силенъ: онъ подкрѣпитъ руку мою. Твое вниманіе дастъ ему возможность предстать съ достоинствомъ предъ лице потомства. Всемигосиавѣйшій Государь! Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанныи, графъ Федоръ Толстой».

Медальоны были представлены императору государственнымъ секретаремъ Александромъ Семеновичемъ Шишковымъ. Его величество, прочтя мое письмо и разсмотрѣвъ рисунки, былъ очень доволенъ моеи идееи, представить отечественную войну въ медальонахъ и рисункахъ, и приказалъ Шихову, какъ предсѣдателю Россійской Академіи, составить комитетъ подъ его пред-

сѣдательствомъ и въ засѣданіи членовъ Россійской Академіи: рассмотреть, вѣрно ли исторически опредѣленъ мною весь ходъ сраженій съ самаго вступленія Наполеона съ арміею въ предѣлы Россіи и до окончанія войны. Въ этотъ комитетъ государь лично назначилъ придворнаго антикварія и археолога Келера и профессора исторіи нумизматики Круга. А по художественной части Совѣтомъ Академіи Художествъ назначены были: профессора скульптуры Мартосъ и Щедринъ, и профессоръ исторической живописи — Угрюмовъ.

Этотъ комитетъ одобрилъ всѣ медальоны, не сдѣлавъ ни одного замѣчанія, ни относительно хода военныхъ дѣйствій, ни относительно описанія сраженій, ни по художественной части. Только предсѣдатель сдѣлалъ нѣкоторые поправки въ слогъ описаній.

На другой день послѣ утвержденія комитетомъ представленнаго мною проекта медальоновъ и описаній къ нимъ, Александръ Семеновичъ доложилъ объ этомъ государю, который и благоволилъ согласиться дать мнѣ пособіе на лѣтку сочиненныхъ мною медальоновъ и рѣзаніе съ нихъ въ ту же величину осьмиугольныхъ формъ для выпуска въ свѣтъ гипсовыхъ слѣпковъ, а также и на изданіе книги мною составленныхъ описаній съ контурными гравюрами съ моихъ рисунковъ и съ описаніями ихъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ для раздачи при выпускѣ гипсовыхъ коллекцій этихъ медальоновъ. Не будучи знакомъ съ дѣломъ печатанія книгъ и такъ какъ мое собственное дѣло — лѣпка большихъ медальоновъ, а особенно рѣзаніе формъ въ крѣпкомъ металлѣ — требовало труда нѣсколькихъ лѣтъ, то я не могъ взять на себя хлопоты по изданію книги; президентъ Академіи поручилъ это дѣло секретарю Россійской Академіи Соколову. Поэтому назначенныя мнѣ на пособіе 20 тысячъ рублей ассигнаціями изъ кабинета государя были отправлены Александру Семеновичу въ Россійскую Академію, тѣмъ болѣе, что главныя издержки по изданію медальоновъ должно было употребить на печатаніе книги и гравированіе къ нимъ рисунковъ. Собственно на свою работу, на восковые медальоны, на приготовленіе металлическихъ формъ для вырѣзыванія въ нихъ формъ съ восковыхъ медалей и на приготовленіе стальныхъ литеръ для навѣшыванія надписей кругомъ медальоновъ я издержалъ всего

только по 200 руб. ассигн. на каждый медальонъ; остальные деньги вошли на начертаніе описаній медальоновъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Доставленные мною въ русскую академію гравюры въ контурахъ въ этихъ книгахъ были гравированы Уткинымъ, по заказу русской академіи.

Кому и какою отчетъ по этому дѣлу давалъ Соколовъ, я не знаю, вѣроятно, президенту русской академіи, которому и я, по изготовленіи всякаго медальона, давалъ отчетъ въ употребленныхъ мною на него деньгахъ.

X.

Въ 1820 году я жилъ лѣто въ Царскомъ Селѣ, съ женою и дѣтьми. Вскорѣ по пріѣздѣ двора въ Царское Село, по желанію нашего ангела императрицы Елисаветы Алексѣевны, я имѣлъ счастье первый разъ представиться ея величеству. Введенный Николай Михайловичемъ Лонгиновымъ въ кабинетъ государыни (гдѣ уже находилась ея величество), я былъ пораженъ, какъ простотою ея туалета, такъ и обстановкою кабинета. На Елисаветѣ Алексѣевнѣ было простое безъ всякаго украшенія платье обыкновенной лѣтней матеріи, съ накинутаю на шею и плечи бѣлою батистовою косынкою, заколотою на груди простою булавкою. Кабинетъ императрицы былъ безъ всякихъ излишнихъ украшеній и роскоши, устроенный не для показу, а для настоящихъ занятій. Когда я подошелъ къ императрицы, чтобы поцѣловать ея руку, она приняла меня съ такимъ простосердечіемъ и ласкою, что я не могъ удержаться слезъ отъ умиленія. Императрица долго говорила со мною, расспрашивала о моихъ родителяхъ, о моемъ дѣтствѣ, и очень подробно о томъ, какъ я сдѣлался художникомъ. Въ то самое лѣто я имѣлъ счастье довольно часто бывать у ея величества, такъ какъ ей угодно было знать обо всемъ, что я буду пронаводить по художеству.

Дня черезъ три или четыре послѣ моего перваго представленія въ ея величеству, государыня получила небольшую коллекцію цвѣтовъ, писанныхъ гвашью, однимъ замѣчательнымъ въ Парижѣ по этой части художникомъ. Лонгиновъ сказалъ мнѣ, что императрицѣ угодно, чтобы я рассмотрѣлъ эту коллекцію цвѣтовъ.

Въ назначенный день, я явился въ кабинетъ императрицы,

гдѣ она, съ тою же ласкою, какъ и въ первый разъ, изволила меня принять, и показала полученную коллекцію цвѣтговъ; они ей очень нравились. Эта коллекція состояла изъ восемнадцати разныхъ цвѣтговъ, писанныхъ гвашевыми красками на грунтовой зеленовато-сѣрой бумагѣ; цвѣты были красиво расположены и исполнены съ французскимъ шикомъ. Осматривая коллекцію и отдавая полную справедливость искусству парижскаго художника, владѣть гвашевыми красками, я сказалъ: «мнѣ кажется, что въ принятой этимъ артистомъ манерѣ рисовать цвѣты, видно болѣе желанія блеснуть эффектомъ и выставить свой вкусъ, нежели съ строгою отчетливостью передать съ натуры на бумагу копируемый цвѣтокъ, такъ какъ онъ есть, со всѣми малѣйшими подробностями, принадлежащими этому цвѣтку, отчего въ этихъ столь различныхъ между собою цвѣтахъ, съ перваго рисунка показывается какое то сходство между собою, не смотря на ихъ различныя формы и цвѣты!»

На это императрица сказала мнѣ: «попробуйте нарисовать какой-нибудь цвѣтокъ и покажите его мнѣ».

Не рисовать никогда цвѣтовъ, я, однако, принявъ это предложеніе. Вернувшись домой, я нашелъ въ нашемъ маленькомъ садикѣ кустъ довольно красивыхъ свѣтло-лиловыхъ цвѣтовъ о шести листочкахъ. Сорвавъ небольшую вѣтку съ двумя цвѣтками и съ зеленью, тотчасъ же принялся рисовать его, но не аква-релью и не гвашью, и не на грунтовой бумагѣ, а просто на цвѣтной англійской, и водяными красками, которыя я употреблялъ для моихъ рисунковъ и которыя почти всѣ состоятъ изъ чистыхъ природныхъ борпусныхъ и минеральныхъ красокъ; употреблялъ я ихъ по принятому мною способу. Этотъ способъ оказался особенно удобенъ для рисованія цвѣтовъ и фруктовъ.

На другой день рисунокъ былъ готовъ. Я отнесъ его императрицѣ, которая, увидѣвъ его, очень хвалила, и сказала мнѣ, что она находитъ въ моемъ цвѣткѣ болѣе жизни и натуры, нежели въ коллекціи присланныхъ ей цвѣтовъ. Такое заключеніе ея величества о моемъ, въ первый разъ мною написанномъ, цвѣткѣ, несказанно меня обрадовало. Съ тѣхъ поръ я сталъ, въ свободное отъ серьезныхъ занятій время, рисовать цвѣты, фрукты и ягоды, то по одиночкѣ, то группами; также бразильскихъ бабочекъ, жучковъ, стрекозъ, разныхъ формъ и цвѣтовъ, со все-

возможными узорами и съ металлическими отблесками, также рисовать маленькихъ птичекъ изъ породы колибри, коихъ перышки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ блестятъ металломъ. Впослѣдствіи я сдѣлалъ очень много рисунковъ во всѣхъ этихъ родахъ для императрицы Елисаветы Алексѣевны, и представилъ ей, между прочимъ, нѣсколько большихъ рисунковъ, на которыхъ были сгруппированы вмѣстѣ цвѣты, фрукты, птички, бабочки, стрекозы и жучки. Для императрицы также нарисовалъ коллекцію бабочекъ изъ десяти экземпляровъ, между которыми есть съ металлическими отливками. Для императрицы Маріи Федоровны я нарисовалъ коллекцію стрекозъ въ двѣнадцать экземплярахъ.

Я рисовалъ какъ въ этомъ родѣ, такъ и въ другихъ, много рисунковъ, какъ въ альбомы дамъ, такъ и мужчинъ. По совѣту нѣкоторыхъ художниковъ, я сталъ собирать въ одинъ альбомъ всѣ находящіяся у меня, моей работы, рисунки, какъ въ родѣ цвѣтовъ, бабочекъ, птичекъ и тому подобныхъ, такъ и въ другихъ родахъ сочиненные и выполненные мною разные сюжеты красками, сепью и карандашемъ, и въ контурахъ перомъ, однимъ словомъ, всѣ рисунки, произведенные мною съ того времени, какъ я началъ рисовать, кромѣ, впрочемъ, тѣхъ рисунковъ, которые я рисовалъ въ натурномъ классѣ въ Академіи и эскизовъ, сочиненныхъ и рисованныхъ мною на мѣсячные и третные экзамены Академіи. Все это я соединилъ со всѣми мною сочиненными и окончательно нарисованными большими композиціями, взятими изъ сюжетовъ священнаго писанія, исторіи, мифологіи, аллегорическихъ и другихъ различныхъ сюжетовъ, и разныхъ проектовъ для фонтановъ въ чисто оконченныхъ контурахъ, изъ чего составилъ альбомъ, болѣе нежели въ сто двадцать рисунковъ.

Графъ Ф. П. Толстой.

ГРАФЪ ѲЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

Обзоръ художественной дѣятельности.

Въ «Русской Старинѣ» (изд. 1873 г., т. VII, стр. 24—51; 123—145) напечатаны нѣкоторыя главы изъ Записокъ графа Ѳ. П. Толстого. Нынѣ помѣщаемъ, какъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи русскаго искусства, обзоръ художественной дѣятельности графа Ѳедора Петровича, имъ составленный и весьма обязательно намъ сообщенный.

Ред.

Съ выпуска моего изъ морскаго кадетскаго корпуса мичманомъ, въ 1802-мъ году, я состою, по сіе время, на службѣ, имѣя счастье занимать должность Товарища Президента Императорской Академіи Художествъ.

Нынѣ, когда слабость зрѣнія лишаетъ меня возможности, что-либо производить самому, по части художествъ, я считаю себя обязаннымъ представить отчетъ всѣмъ произведеніямъ, сочиненнымъ и исполненнымъ мною въ продолженіе моей службы.

Окончивъ полный курсъ рисованія и скульптуры въ Академіи Художествъ, находясь еще въ военной службѣ, я началъ выставлять на публичныхъ академическихъ выставкахъ сочиненные и глѣпленные мною изъ воска большіе историческіе и мнѳологическіе барельефы.

Въ 1806-мъ году, по волѣ императора Александра Павловича, я оставилъ военную службу и былъ опредѣленъ состоять при Эрмитажѣ. Въ 1809-мъ году, въ полномъ собраніи совѣта, былъ выбранъ почетнымъ членомъ Академіи Художествъ.

I.

Занимаясь медальорнымъ искусствомъ, опредѣленъ я, по именному повелѣнію императора Александра I, въ монетный департаментъ по медальорной части. Медальорное искусство на нашемъ монетномъ дворѣ, въ то время, въ отношеніи художественности, оставалось еще

на той степени, на которой оно было во Франціи, при Людовикѣ XIV и другихъ государяхъ до революціи, то есть, медали производились не художниками, а болѣе или менѣе искусными рѣзчиками штемпелей, по доставляемымъ имъ, худо-сочиненнымъ и исполненнымъ, рисункамъ. При существовавшемъ, во время моего вступленія на монетный дворъ, усовершенствованіи изящныхъ искусствъ, необходимо было измѣнить столь запоздалую систему производства медалей.

Поэтому я составилъ себѣ собственную методу сочинять и исполнять заказываемыя мнѣ медали, основанную на правилахъ, требуемыхъ современнымъ художествомъ, то есть, на строгой правильности рисунка, какъ въ одиночныхъ фигурахъ, такъ и въ группахъ; на основательномъ знаніи анатоміи и на вѣрности съ натурою всего того, что, по сюжету медали, должно быть на ней изображено.

Такъ какъ изобрѣтеніе медалей имѣетъ цѣлю передавать потомству достойныя памяти событія и дѣянія, то послѣднія должны быть на медаляхъ изображаемы, какъ можно яснѣе, такъ, чтобы, при разсматриваніи ихъ, не было бы необходимости прибѣгать къ подписямъ. Поэтому, я взялъ себѣ за правило производить медали только по собственному мною сочиненнымъ рисункамъ и по моделямъ, мною лѣпленнымъ изъ воска, въ которыхъ я строго держался стили и вкуса древней греческой скульптуры.

Первая медаль мною была исполнена, по порученію Виленскаго университета, положившаго выбить медаль въ честь графа Чатскаго. Съ одной стороны этой медали находится портретъ графа Чатскаго, а съ другой—изображена Паллада, жезломъ своимъ будящая спящаго генія, съ латинскими кругомъ надписями.

Начавъ мой отчетъ съ медальорнаго искусства, я буду продолжать описывать все, мною сочиненное и произведенное, по этой отрасли художествъ, не придерживаясь хронологическаго порядка.

По полученіи реляціи о лейпцигскомъ сраженіи, гдѣ Наполеонъ былъ разбитъ и владычество его надъ Франціей поколеблено, я тотчасъ вылѣпилъ изъ воска, въ осьми угольномъ медальонѣ, шести вершковъ въ діаметрѣ, портретъ императора Александра I, въ военномъ славянскомъ костюмѣ, въ шлемѣ, со щитомъ и копьемъ въ рукахъ. Съ надписью кругомъ: „Родоумсль девятаго на десять вѣка“. Я немедленно вырѣзалъ съ этого медальона форму въ составной крѣпкой мѣди, для выливанія изъ алебаstra.

По изгнаніи Наполеона изъ предѣловъ Россіи, гдѣ онъ оставилъ всю свою огромную двадцати-племенную армию, по взятіи Парижа, и наконецъ, по плѣненіи Наполеона, я вздумалъ, въ такихъ же медальонахъ, какъ Родоумсль, изобразить всѣ побѣды россій-

смиль войска надъ Наполеономъ, со вступленія его въ предѣлы нашего отечества до вступленія нашихъ войска въ столицу Франціи. Съ этой цѣлью я нарисовалъ, по собраннѣмъ мною реліціямъ этой трехлѣтней войны, всѣ тѣ сраженія, которыя, по моему соображенію, наиболѣе способствовали нашимъ войскамъ вступить въ столицу Франціи.

Эти рисунки, по возвращеніи императора Александръ I въ Петербургъ, я представилъ его величеству, и получилъ разрѣшеніе вылѣпить изъ воска и вырѣзать на мѣди формы всей коллекціи медальоновъ. Эта коллекція мѣдныхъ формъ окончательно мною была вырѣзана уже въ царствованіе императора Николая Павловича.

Восковыя модели этой коллекціи медальоновъ находятся въ музеѣ императорской Академіи Художествъ, а мѣдныя формы—у меня.

Коллекція состоитъ изъ 20-ти медальоновъ, а именно:

- 1) Портретъ императора Александра I, въ видѣ Родомысла;
- 2) Народное ополченіе;
- 3) Битва Бородинская;
- 4) Освобожденіе Москвы;
- 5) Вой при Маломъ Ярославцѣ;
- 6) Трехъ-дневный бой при городѣ Красномъ;
- 7) Сраженіе при Березинѣ;
- 8) Бѣгство Наполеона за Нѣманъ;
- 9) Первый шагъ Александра за предѣлы Россіи;
- 10) Освобожденіе Берлина;
- 11) Тройственный союзъ;
- 12) Сраженіе на высотахъ Кацбаха;
- 13) Вой при Кульмѣ;
- 14) Битва при Лейпцигѣ;
- 15) Освобожденіе Амстердама;
- 16) Переходъ за Рейнъ;
- 17) Сраженіе при Бриенѣ;
- 18) Вой Арсисъ-сюръ-Объ;
- 19) Сраженіе при феръ-Шампенуазѣ;
- 20) Покореніе Парижа.

Эти медальоны доставили мнѣ честь быть членомъ всѣхъ европейскихъ Академій Художествъ; на всемірной лондонской выставкѣ за нихъ я получилъ медаль, а петербургская Академія Художествъ признала меня своимъ профессоромъ медальорнаго искусства.

Въ 1836 году, по повелѣнію императора Николая Павловича, съ этихъ медальоновъ, подъ моимъ надзоромъ, приготовлены учениками моими, Лялинымъ и Клепиковымъ, и окончательно мною довершены штемпеля для выбиванія медалей обыкновенной величины. Въ этой коллекціи медалей, съ одной стороны, изображены поименованныя выше сраженія великой борьбы 1812, 1813 и 1814 годовъ, а съ другой—портретъ императора Александра I, въ видѣ Родомысла. Въ замѣнъ Родомысла, который въ коллекціи медалей пошелъ на реверсъ, я сочинилъ вновь медаль, изображающую миръ, исполненную также, какъ и вся коллекція.

По окончаніи персидской и турецкой войны, государю угодно было приказать мнѣ изобразить въ медальяхъ, по доставленнымъ мнѣ ми-

нистромъ двора описаніямъ, 12 главнѣйшихъ побѣдъ надъ персидскими и турецкими войсками.

По утверженіи его величествомъ сочиненныхъ мною рисунковъ для сихъ медалей, были вылѣплены мною изъ воска модели, съ которыхъ, подъ моимъ надзоромъ, тѣми же моими учениками, Лялинымъ и Клепиковымъ, были приготовлены предварительно штемпеля для отбиванія медалей на металлахъ и окончательно мною пройдены. На одной сторонѣ этихъ медалей представлены русскія побѣды, а именно:

Персидской войны: 1) Сраженіе подъ Елизаветполемъ; 2) Взятіе крѣпости Эривани; 3) Занятіе Тавриза.

Турецкой войны: 4) Сраженіе подъ Ахалцихомъ и штурмъ этой крѣпости; 5) Совершенное разбитіе двухъ корпусовъ турецкой арміи; 6) Занятіе Арзерума; 7) Взятіе Карса; 8) Переправа черезъ Дунай; 9) Капитуляція крѣпостей Браилова, Варны и другихъ; 10) Подвигъ брига „Меркурій“; 11) Переходъ черезъ Балканы, и 12) Занятіе Адрианополя.

На другой сторонѣ этихъ медалей изображенъ російскій гербъ.

Съ восковыхъ моделей этихъ 12 медалей сдѣланы мною мѣдныя формы, посредствомъ только что открытаго тогда способа, гальваническимъ токомъ осаждаютъ мѣдныя слѣпки. Восковыя модели этой коллекціи и мѣдныя съ нихъ формы находятся у меня.

Государь приказалъ министру двора: коллекціи персидской, турецкой и отечественной войны 1812, 1813 и 1814 годовъ отправить въ Академіи Художествъ вѣнскую, берлинскую, мюнхенскую и парижскую, прося ихъ дать свое мнѣніе о достоинствѣ этихъ медалей въ отношеніи сочиненія и выполненія.

Черезъ не продолжительное время я получилъ, по повелѣнію его величества, выписку, за скрѣпою директора канцеляріи министра двора В. И. Панаева, изъ письма князя Меттерниха къ министру двора, по поводу мнѣнія вѣнской Академіи Художествъ; вотъ она:

„Comme conception et comme exécution cette série de médailles est remarquable, et je ne crois pas qu'aucun pays en aie produit de plus belles dans le cours des derniers siècles. Tel est le jugement unanime de nos médailleurs, à la tête desquels je puis citer le célèbre Louis Sicler“.

Отзывы другихъ Академій Художествъ, присланные къ министру двора, точно также для меня лестны.

Въ это время я имѣлъ честь получить слѣдующее письмо отъ князя Меттерниха (куратора вѣнской Академіи Художествъ):

„Monsieur le Comte! J'ai eu l'honneur de recevoir en dernier lieu par la voie de l'Ambassade Impériale d'Autriche à St.-Petersbourg la

lettre, que Vous avez bien voulu m'adresser avec le don destiné à l'Académie des Beaux Arts de Vienne“.

„Je me suis empressé de transmettre la précieuse collection de vos médaillons à cette Académie, et je remplis un devoir bien agréable pour moi en Vous exprimant, en son nom et en ma qualité de son Curateur, le sentiment de sa vive reconnaissance pour la marque d'intérêt et de bienveillance, que Vous venez de lui accorder par ce cadeau, dont elle apprécie toute la valeur.

„Vos médaillons formeront dorénavant un des plus beaux et des plus utiles ornements des salles de l'Académie de Vienne en existant l'admiration des amateurs, en présentant aux jeunes artistes, qui les fréquentent, des objets d'étude également distingués et par l'invention et par l'exécution.

„Je réunis de grand cœur mes vœux à ceux de l'Académie de Vienne, heureux de Vous compter, Monsieur le Comte, parmi ses membres, pour que la providence Vous laisse encore jouir pendant longtemps de la douce satisfaction d'étendre et d'enrichir le domaine des arts, par Vos ouvrages et par Votre efficace protection.

„Agréez, Monsieur le Comte, l'assurance de la considération très distinguée, avec laquelle j'ai l'honneur d'être, Monsieur le Comte, Votre très humble et très obeissant serviteur Metternich“.

Vienna, le 6 Octobre 1836.

Въ новой Александровской залѣ Зимняго дворца, во фризѣ, по повелѣнію его величества, помѣщены, въ большемъ видѣ, копіи съ мѣдныхъ медальоновъ отечественной войны; но какъ, по величинѣ залы, недоставало четырехъ, то я сочинилъ и вылѣпилъ модели, изображающія еще четыре сраженія той же войны, а именно:

1) Занятіе Варшавы; 2) Взятіе Бремена; 3) Взятіе Касселя, и 4) Сраженіе при Госсѣ, гдѣ Александръ I вырвалъ побѣду изъ рукъ Наполеона.

По поводу различныхъ случаевъ, я сочинилъ и вылѣпилъ модели для 20-ти медалей, изъ коихъ штемпеля для 16-ти предварительно приготовилъ и окончательно прошелъ собственноручно. Медали эти слѣдующія:

1) Средней величины, выбитая въ честь графа Чатскаго, отъ виленскаго университета (вышеописанная).

2) Средней величины, академическая, большая серебряная медаль, раздаваемая за рисунки съ натуры: съ одной стороны — портретъ императора Александра I, съ другой — изображенъ старецъ, сидя, раздающій награды.

3) Средней величины, въ память избранія великаго князя Ни-

колая Павловича кураторомъ абовскаго университета. Съ одной стороны — портретъ его высочества, а съ другой — группа Апполона съ сидячею женскою фигуροю.

4) Средней величины, большая золотая медаль, раздаваемая Академіею Художествъ ученикамъ, за проивведенія по программамъ. Съ одной стороны — сидящій геній держитъ жезлъ, съ повѣшенными на немъ наградными вѣнками; съ другой стороны — на обломѣ колонны двуглавый орель, съ распростертыми крыльями.

5) Большой величины медаль, поднесенная с.-петербургскимъ ополченіемъ принцу Александру Виртембергскому. На одной сторонѣ группа изъ трехъ фигуръ: военачальника, воина съ знаменемъ и женщины на колѣняхъ; съ другой стороны, въ античномъ лавровомъ вѣнкѣ, надпись.

6) Большой величины медаль, выбитая въ честь директора Петропавловской с.-петербургской школы, г. Вейзе. На ней, съ обѣихъ сторонъ, латинскія надписи.

7) Большая медаль, на кончину императора Александра I. На одной сторонѣ, внутри кольцомъ свернувшейся змѣи портретъ Александра I, съ другой — Всевидящее око въ лучахъ. Кругомъ надпись: „нашъ ангелъ въ небесахъ“.

8) Малой величины медаль, выбитая въ память посѣщенія императрицы Маріи Ѳеодоровны пятидесяти и столѣтняго юбилеевъ Академіи Наукъ. Съ одной стороны — ея портретъ, въ дубовомъ вѣнкѣ, съ другой — два вѣнка: розовый и лавровый, въ первомъ „1776“ годъ, въ другомъ — „1826“.

9) Средней величины медаль, исполненная по порученію его высочества герцога Лейхтенбергскаго. Съ одной стороны — его портретъ, съ другой — латинская надпись.

10) Средней величины медаль, на соединеніе лютеранскаго и реформатскаго вѣроисповѣданія. Съ одной стороны изображена религія, съ другой — Финляндія, въ видѣ сидячей фигуры.

11) Большой величины медаль, съ двумя портретами, одинъ за другимъ, Александра I и Виторія, съ другой — портретъ Николая I. Надписи латинскія.

12) Большой величины медаль отъ Академіи Наукъ, основателю и хранителямъ. На одной сторонѣ изображена сидящая Минерва, вѣнчающаяся двуликімъ бюстомъ, въ формѣ Януса, Екатерины II и Александра I, съ другой — портретъ Николая I.

13) Большой величины медаль на пятидесятилѣтіе россійской Академіи Художествъ. Съ одной стороны — Апполовъ съ лирою, на античномъ треножникѣ, вѣнчается лаврами два бюста, одинъ за дру-

гимнъ, Александра I и Екатерины II. На другой сторонѣ — портретъ Николая I.

14) Большой величины медаль; на одной сторонѣ — Минерва, въ шлемѣ, съ питомѣ и копьемъ, коронуетъ лавровымъ вѣнкомъ молодого воина, стоящаго на колѣнѣхъ. Кругомъ надпись: „достойному въ наукахъ“. На другой — портретъ Николая I.

15) Самой малой величины медаль, для пошенія въ петлицѣ войску, за взятіе Парижа. Съ одной стороны — портретъ императора Александра I, въ лавровомъ вѣнчѣ, осѣненный лучами Всевидящаго ока, съ другой — въ лавровомъ вѣнчѣ надпись: „за взятіе Парижа въ 1814 г.“

16) Самой малой величины медаль, для пошенія въ петлицѣ воинамъ, участвовавшимъ въ персидской и турецкой войнѣхъ. Съ одной стороны, между двумя лавровыми вѣтвями, означены года: „1826, 1827 и 1828“, надъ ними Всевидящее око въ лучахъ. Съ другой — надпись: „за персидскую и турецкую войну“.

17) Средней величины медаль. На одной сторонѣ — крылатый геній, окруженный атрибутами, держитъ лавровый вѣнокъ, съ другой — внутри лавроваго вѣнка, надпись: „преуспѣвшему“.

18) Большой величины медаль на столѣтіе Академіи Наукъ. Съ одной стороны изображена сидячая женская фигура, въ русскомъ костюмѣ, съ жезломъ, увѣнчаннымъ маленькимъ двуглавымъ російскимъ орломъ, въ лѣвой рукѣ. Правую рукой она держитъ скрижаль, на которой вверху находится 1724 г., а внизу — 1824; кругомъ надпись: „единымъ вдохновеніемъ“. На другой — внутри звѣздаго вѣнца, портретъ Петра Великаго.

19) Самой большой величины медаль на сооруженіе каменнаго моста черезъ Неву. Съ одной стороны — Геркулесъ, перебросивъ свою палицу черезъ воду, любуясь изъ урны лежащей нимфы, переходитъ по ней, руководимый Минервою, на другую сторону. Надъ этою группою надпись: „бысть“. На другой — сторонѣ изображеніе самаго моста, надъ которымъ паритъ коронованный двуглавый орелъ, съ лавровымъ вѣнкомъ въ одной лапѣ и громами въ другой.

20) Большой величины медаль на уничтоженіе венгерскаго возмущенія. Съ одной стороны — двуглавый російскій орелъ, съ щитомъ, на которомъ російскій гербъ, поражаетъ трехглавую гидру. Орелъ осѣненъ лучами Всевидящаго ока, кругомъ славянскими буквами надпись; съ другой — также надпись.

Съ этихъ послѣднихъ четырехъ медалей, штемпеля, подъ моимъ надзоромъ, предварительно приготовлены на стали моими учениками Лялинымъ и Клепиковымъ, и окончательно довершены мною.

Всѣ эти штемпеля, такъ же какъ и штемпеля медалей отечествен-

ной войны и персидской и турецкой войнѣ, хранятся на монетномъ дворѣ. Модели же, лѣпленныя мною изъ восса, хранятся у меня.

Также находятся у меня, лѣпленныя мною съ натуры, портреты моихъ родныхъ и знакомыхъ, числомъ болѣе сорока.

II.

Въ 1816 году я сочинилъ и вылѣпилъ изъ воску, на аспидныхъ доскахъ, четыре барельефа изъ поэмы Гомера: „Одиссея“ (барельефы въ шесть съ половиною вершковъ длины и три вершка высоты).

Первый барельефъ изображаетъ пиршество, въ домѣ Одиссея, иска- телей руки Пенелопы, жены Одиссея, во время пребыванія послѣд- няго на Троянской войнѣ. Молодой Телемакъ особо угощаетъ Ми- нерву, пришедшую къ нему, въ видѣ Ментора, совѣтывать ему ѣхать отыскивать отца.

Второй барельефъ изображаетъ Телемака, прѣхавшаго, съ однимъ изъ своихъ пріятелей, къ королю Менелаю, гдѣ, по обычаю грековъ того времени, былъ ласково принятъ имъ и женою его, Еленюю, —при- чемъ, Елена, удовлетворяя любопытству незнакомыхъ посѣтителей и рассказывая подробности Троянской войны, распространилась о ве- ликихъ подвигахъ Улисса. Телемакъ заплакалъ и былъ узнавъ.

Третій барельефъ изображаетъ возвратившагося Улисса на островъ Итаку. Во время пиршества жениховъ Пенелопы, онъ является въ свой дворецъ, въ видѣ нищаго, которымъ, по обычаю страны, дозво- лялось входить за подачкою. Телемакъ, по совѣту отца, объявляетъ женихамъ, что тотъ только будетъ владѣть рукою его матери, кто, натянувъ лукъ Одисеевъ, пропуститъ стрѣлу чрезъ повѣшенное въ залѣ кольцо. Ни одинъ изъ жениховъ не въ силахъ натянуть этотъ лукъ. Ницій также выражаетъ свое желаніе участвовать въ этомъ состязаніи. Телемакъ, не смотря на сильное негодованіе ищущихъ руки Пенелопы, велитъ передать нищему лукъ. Одиссей съ легко- стью натягиваетъ его и пропускаетъ стрѣлу съвозъ кольцо, но вто- рою стрѣлою онъ убиваетъ главнаго преслѣдователя Пенелопы, а по- томъ, съ помощію Телемака и одного пастуха, и всѣхъ пировавшихъ, за исключеніемъ Феміуса, пѣвца.

Четвертый барельефъ представляетъ Меркурія, отводящаго про- зрачную группу летящихъ тѣней жениховъ Пенелопы въ адъ. У входа ихъ встрѣчаютъ тѣни Агамемнона и Ахилла, удивленныя одно- временною смертію столькихъ юношей. Агамемнонъ, узнавъ одного изъ нихъ, спрашиваетъ о причинѣ ихъ смерти и узнаетъ о проис- шедшемъ на островѣ Итакѣ.

Съ этихъ четырехъ восковыхъ барельефовъ я впрѣзалъ, въ со-

ставной крѣпкой мѣди, формы для выливанія въ нихъ гипсовыхъ слѣпковъ. Съ перваго барельефа я вырѣзалъ форму въ 1818 году, со втораго—въ 1820, съ третьяго и четвертаго—въ 1821 и 1822 гг.

Въ бытность его величества Александра Павловича въ Москвѣ, по окончаніи отечественной войны, я поднесъ государю миниатюрный барельефъ, мною сочиненный и вылѣпленный изъ воска на аспидной доскѣ. Онъ изображалъ триумфальный въѣздъ Александра Македонскаго въ Вавилонъ, на богатой колесницѣ, влекомой двумя слонами, на спинахъ которыхъ, стоя, сидя и лежа, играютъ музыканты; впереди идутъ, скованные, побѣжденные владки и вожди; по сторонамъ несутъ на носилкахъ, покрытыхъ коврами, большія, богато-украшенные скульптурою вазы, жертвенники, треножники, канделябры и другія богатства, добытыя войною. За колесницею идутъ конныя и пѣшія войска, неся на копьяхъ доспѣхи ими побѣжденныхъ. Это шествіе вступаетъ въ Вавилонъ, чрезъ триумфальныя ворота, украшенныя четырьмя колоннами дорическаго ордена, между которыми стоятъ жертвенники съ пылающимъ огнемъ, статуями и барельефами. На антаблементѣ, въ фризѣ котораго барельефъ изображаетъ конныя и пѣшія сраженія, стоятъ четыре треножныя, античныя курильницы. На послѣднемъ планѣ, въ дали, видны нѣкоторыя зданія, наполненныя народомъ.

Длина всего барельефа не болѣе пяти вершковъ. Фигуры въ немъ величиною въ три четверти дюйма, и ихъ, съ лошадьми и слонами, около ста.

Въ 1847 году было мнѣ поручено, съ соизволенія его величества Николая Павловича, сочиненіе и исполненіе скульптурныхъ украшеній 12-ти вратъ, долженствующихъ находиться по четыремъ сторонамъ воздвигаемаго въ Москвѣ, нашимъ извѣстнымъ зодчимъ Константиномъ Андреевичемъ Тономъ, храма Спасителю. По утвержденіи государемъ сочиненнаго, вылѣпленнаго и произведеннаго мною на мѣди, посредствомъ гальванопластическаго тока, способомъ, сдѣланнымъ извѣстнымъ въ Петербургѣ въ 1849 году, эскиза западныхъ среднихъ вратъ, я приступилъ къ лѣпкѣ изъ глины, въ настоящую величину моделей, а именно: въ огромныя, круглыя ниши среднихъ вратъ—вверху три, въ сажень величины, горельефныя, почти совершенно круглыя фигуры, изображающія Бога Саваова, на облакахъ, благословляющаго Спасителя, сидящаго на тронѣ, Божию Матерь съ младенцемъ, также сидящую на тронѣ, и въ четвертую нишу—Святаго Духа, въ видѣ голубя въ лучахъ, окруженнаго херувимами.

Въ круглыя большія ниши восьми меньшихъ вратъ—горельефы, изображающіе коллосальныя, ниже колѣна, фигуры разныхъ святыхъ.

На четыре среднія враты, на ихъ створы, въ фигурныхъ нишахъ—16 круглыхъ статуй, немного меньше обыкновеннаго человѣческаго роста, стоящихъ на фигурныхъ кронштейнахъ: 4 евангелиста, съ ихъ эмблемами на кронштейнахъ, 8 апостоловъ и 4 святителя. На остальные враты—32 поясныхъ, съ руками, изображеній святыхъ, также въ круглыхъ нишахъ, и наконецъ, всѣ скульптурныя украшенія вратъ.

Всѣ эти модели, дѣланныя мною, по предварительно утвержденнымъ его величествомъ, сочиненнымъ и исполненнымъ мною рисункамъ, я имѣлъ счастье представлять на утвержденіе государя въ гипсовыхъ слѣпкахъ, при посѣщеніяхъ его величества публичныхъ выставокъ Академіи Художествъ.

Когда всѣ модели 12-ти вратъ были кончены, я получилъ за нихъ письменное благоволеніе его величества, а совѣтомъ Академіи Художествъ удостоенъ званія профессора скульптуры.

Шесть вратъ, совершенно готовыхъ, вылитыхъ бронзовымъ мастеромъ Шопеномъ съ моихъ моделей, стоятъ уже въ храмѣ Спасителя на своихъ мѣстахъ. Утвержденные государемъ рисунки находятся у меня.

На публичныхъ академическихъ выставкахъ я продолжалъ выставять свои восковые историческіе и міеологическіе барельефы.

Поднесенные, послѣ коронаціи, императору Николаю Павловичу, съ хлѣбомъ-солью, большія блюда и солонки изъ золота с.-петербургскимъ дворянствомъ и купечествомъ, были сдѣланы по рисункамъ, мною сочиненнымъ; а барельефы, фигуры, аллегорическія эмблемы и всѣ украшенія на нихъ вылиты съ моделей, мною сконпонованныхъ и выдѣленныхъ изъ воска. Эти два золотыя блюда и двѣ большія солонки, въ античномъ стилѣ, находятся въ Эрмитажѣ его величества, а рисунки и модели у меня.

Также поднесенныя, подъ хлѣбомъ-солью, с.-петербургскимъ купечествомъ ихъ высочествомъ великой княгинѣ Маріѣ Николаевнѣ, великимъ князьямъ Александру Николаевичу и Константину Николаевичу, и великой княгинѣ Маріѣ Михайловнѣ, при ихъ бракосочетаніи, золотыя блюда и солонки были сдѣланы, по сочиненнымъ мною рисункамъ и дѣланнымъ мною моделямъ всѣхъ украшеній на нихъ. Рисунки эти находятся также у меня.

III.

Изъ скульптурныхъ произведеній я выставялъ на академическихъ выставкахъ, сочиненныя и выдѣленныя мною изъ глины, небольшія статуи: первая изъ нихъ изображала преимущество моральной силы чело-вѣка надъ громадною физическою силою лютаго звѣря. Это представлено

мною въ видѣ молодого человѣка, въ узкой, перекинутой черезъ плечо и спереди спадающей на полъ, драпировкѣ, вмѣсто всякой одежды, съ посохомъ въ рукахъ, ведущимъ на весьма тонкомъ поводѣ большого, черногриваго африканскаго льва, выдѣлennaго мною съ натуры.

Другая статуя, такой же величины и также исполненная въ античномъ стилѣ, представляетъ почти обнаженную нимфу, стоящую на колѣнѣ правой ноги на небольшой скалѣ, между тѣмъ, какъ лѣвою ногою она спускается въ большую раковину, въ которую она льетъ воду изъ античнаго кувшина, который держитъ обѣими руками надъ правымъ плечемъ.

Третья статуя, такихъ же размѣровъ, изображаетъ нимфу Аганиппу, дочь рѣки Пермесь, обращенную въ источникъ: она лежитъ на скалѣ, прикрытая только легкой драпировкой, съ распущенными по плечамъ и скалѣ густыми волосами, съ протянутыми въ изумленіи руками; одна прядь волосъ лежитъ у нее на рукѣ и изъ всѣхъ окончностей волосъ льется вода. Эта статуя, въ большомъ размѣрѣ, предназначалась для фонтана.

Вторую изъ этихъ статуй я выдѣлалъ изъ глины, въ натуральный ростъ высокой женщины. Это произведеніе доставило мнѣ весьма лестную похвалу совѣта Академіи Художествъ, какъ по идеи, граціозности движенія нимфы, такъ и правильности рисунка всей фигуры.

Въ Петергофскомъ дворцѣ я имѣлъ счастье представлять эту статую его величеству Николаю Павловичу и получить письменное монаршее благоволеніе, а также повелѣніе вырубить эту статую изъ мрамора и произвестъ, гальванопластическимъ способомъ, мѣдную, для фонтана въ нижнемъ саду Петергофа, гдѣ она находится и теперь, внутри мраморной колоннады. Выполненіе же статуи въ мраморѣ, по поводу возникшей съ французами и англичанами войны, приказано мнѣ на время остановить, а такъ какъ приказанія возобновить производство статуи въ мраморѣ не было, то она, по сіе время, осталась въ гипсовомъ слѣпкѣ.

Сочинены, выдѣланы изъ глины и вырублены изъ карарскаго мрамора: 1) бюстъ дремлющаго Морфея (Μορφεος), какъ онъ изображался въ греческой мифологіи — человѣкомъ среднихъ лѣтъ, съ бородою, съ небольшими крыльями на головѣ, въ знакъ быстроты сновидѣній, и въ густомъ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ породы лилій, называемыхъ лупинесъ (Lupinea), которымъ древніе греки приписывали свойство усыпляющее, и 2) грудное изображеніе Спасителя, такъ же какъ и бюстъ Морфея, въ обыкновенный человѣческій ростъ.

По случаю подавленія венгерскаго возстанія былъ мною сочиненъ, выдѣленъ изъ глины и вырубленъ изъ мрамора большой бюстъ

императора Николая Павловича, въ славянскомъ вооруженіи, съ російскимъ гербомъ на груди, въ богатомъ шлемѣ, съ верха котораго падаютъ, длинными прядями, конскіе волосы; на лѣвомъ плечѣ накинута царская мантия, которая опускается на пьедесталь.

Этотъ мраморный бюстъ приобрѣтенъ княгиней Юсуновой и находится въ ея великолѣпномъ домѣ, на Литейной.

IV.

Въ 1830 году я выгравировалъ на мѣдныхъ доскахъ, au burin, 63 большія гравюры, сочиненныхъ мною и въ контурахъ перомъ сдѣланныхъ, рисунковъ, изображающихъ въ лицахъ поэму Богдановича „Душенька“ („Исторія Амура и Психеи“—Алпулея), писанную имъ въ шутливомъ тонѣ. Я же, изображая эту поэму въ моихъ рисункахъ, держался строгаго, благороднаго и изящнаго стиля лучшаго времени процвѣтанія искусства древней Греціи, т. е. времени Перикла. Зданія, расположеніе и устройство комнатъ, убранство ихъ роскошными драпировками, красивою мебелью съ богатою рѣзьбой, статуями, барельефами, разнообразной формы вазами, украшенными скульптурою, канделябрами, лампами, курильницами, треножниками и всѣмъ, что употреблялось въ то время для украшенія царскихъ палатъ; мужскіе и женскіе костюмы съ ихъ украшеніями, головными уборами; вооруженіе, шлемы, мечи, колесницы, и все, что мнѣ пришлось изобразить въ этихъ рисункахъ, не было скопировано съ антиковъ, существующихъ въ музеумахъ и галереяхъ, не снято съ рисунковъ сочиненій, описывающихъ древности Греціи, но въ малѣйшихъ подробностяхъ сочинено мною, сообразно съ вкусомъ и обычаями того времени Греціи, въ которое я перенесъ поэму Богдановича.

Его высочество герцогъ Лейхтенбергскій, въ то время президентъ академіи, съ соизволенія государя, послалъ по экземпляру этого изданія: королю прусскому, императору австрійскому, королямъ шведскому, баварскому, саксонскому и многимъ европейскимъ Академіямъ Художествъ, между прочими, и флорентинской, гдѣ я также членомъ. Отъ всѣхъ этихъ академій я, при весьма лестныхъ отзывкахъ о моемъ трудѣ, получилъ золотыя, перваго достоинства, медали.

Отъ шведскаго короля я получилъ командорскій крестъ сѣверной полярной звѣзды.

Отъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма получилъ собственноручное письмо съ большою золотою медалью, назначенною за услуги въ наукахъ. Вотъ это письмо:

„Monsieur le Comte! C'est avec un intérêt tout particulier, que j'ai reçu votre illustration du poème „Douschinka“, que Vous avez eu l'at-

tention de me faire parvenir, par son Altesse Impériale le duc de Leichtenberg. Appréciant le zèle, qui Vous anime pour les sciences et les beaux-arts, je me plais à Vous offrir, comme une marque de Ma satisfaction la médaille cijoинte, destinée aux mérites dans les sciences, et à Vous assurer en même temps de mon estime et de Ma bienveillance. Sur ce je prie Dieu, qu'il Vous tienne dans Sa saint et digne garde. Votre affectionné Frédéric Guillaume“.

Charlottenbourg, le 17 Mars 1852.

Какъ оригинальные мои рисунки поэмы Богдановича „Душенька“, такъ и гравированныя съ нихъ мною 63 мѣдныхъ доски находятся у меня.

V.

Въ 1845 году, по повелѣнiю его величества Николая Павловича, особымъ комитетомъ, подъ моимъ предсѣдательствомъ, устроено было при Академии Художествъ мозаическое заведенiе, котораго я и былъ начальникомъ, по художественной части. Къ освященiю Исаакиевскаго собора, мозаичнымъ заведенiемъ были доставлены въ комиссiю Исаакиевскаго собора четыре колоссальные образа, исполненные мозаикой.

VI.

Маслянными красками написаны мною три картины; двѣ изъ нихъ были на выставкѣ въ Академии Художествъ. Первая картина, написанная мною въ 1830 году, изображаетъ перспективу моихъ комнатъ. На первомъ планѣ у стѣны, на которой виситъ картина Вернета старшаго, стоитъ диванъ, передъ нимъ круглый столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. На этомъ диванѣ и около стола расположена мною семейная группа—жена моя, двѣ малолѣтнiя дочери и я самъ, занимающiйся лѣпкою статуи молодого человѣка со львомъ. Величина главныхъ фигуръ этой группы въ полъ аршина вышины. Возлѣ дивана, въ правую сторону отъ зрителя, настежь отворенныя двери, въ которыя видна слѣдующая комната: Тамъ зеркало, по сторонамъ его стоятъ на пьедесталахъ воиинъ съ античныхъ статуй Апполона и Венеры. На полу лежитъ лягавая собака. Противоположныя двери этой комнаты также отворены настежь, въ нихъ видна третья комната, въ которой прямо у стѣны стоитъ трюмъ, въ правой сторонѣ у окна дама пьетъ въ пальцахъ, а влѣво, на античномъ пьедесталѣ, стоитъ мною вылѣпленный бюстъ Морфея, съ драпировкой, перекинутой ему черезъ плечо.

Сюжетъ второй картины взятъ мною изъ шотландской баллады о королѣ Варвигѣ.

Картина представляетъ наводненiе въ бурную осеннюю ночь;

вдали видѣнъ королевскій замокъ, окруженный водою; на первомъ планѣ небольшая парусная лодка, подъ управленіемъ сѣдаго, длиннородаго старца; въ лодкѣ находится Варвигъ, и, по указанію старца, протягиваетъ руку къ младенцу, который, стоя на выходящемъ изъ воды камнѣ, молить о спасеніи. Картина освѣщена луною, прорѣзывающеюся между облаковъ. Фигуры въ этой картинѣ также въ полъ аршина.

Третья картина, написанная мною въ 1855 г., есть видъ, писанный съ натуры въ саду дачи, въ Финляндіи; она изображаетъ скалу съ множествомъ колоссальныхъ, поросшихъ мѣстами кустарникомъ и папоротникомъ, камней. Изъ-за нихъ видна часть бесѣдки; справа изъ сада спускается крутая тропинка, по которой сходятъ двѣ дѣвочки въ соломенныхъ, съ широкимъ полями, шляпкахъ; мать ихъ издали слѣдуетъ за ними. Въ этихъ двухъ дѣвочкахъ портреты моихъ дочерей отъ втораго брака. Фигуры вышиною въ четверть аршина.

Всѣ эти три картины находятся у меня.

VII.

Въ 1840 г. я сочинилъ и написалъ программу балета, взявъ для того сюжетъ изъ скандинавскихъ преданій. Къ этому балету я скопировалъ и нарисовалъ всѣ позы солистовъ обоюго пола, какъ въ ихъ отдѣльныхъ разнообразныхъ танцахъ, такъ и въ общихъ группахъ; нарисовалъ всѣ игры того племени, состязанія въ силѣ, борьбѣ, проворствѣ на бѣгу, стрѣльбѣ изъ лука и искусствѣ владѣть копьемъ и мечемъ; нарисовалъ также всѣ поединки и сраженія.

Костюмы были написаны мною акварелью. Финальная сцена, съ декораціями и всѣми дѣйствующими лицами, изображена мною въ большомъ рисункѣ, окончательно сдѣланномъ перомъ и выгравированномъ на мѣдной доскѣ. Въ ней на облакахъ является храмъ Валгалы, со всѣми богами скандинавской мифологіи, окруженными тѣнями убитыхъ на войнѣ воиновъ и бардовъ, которые, сплетясь руками съ живыми, танцуютъ частью на землѣ и частью на воздухѣ.

Я имѣлъ счастье представлять этотъ балетъ государю, императрицѣ и всей царской фамиліи, которымъ понравились и программа балета и рисунки. Я получилъ приказаніе отъ министра двора передать программу балета и рисунки дирекціи императорскихъ театровъ, такъ какъ его величество изволилъ разрѣшить поставить этотъ балетъ на сцену с.-петербургскаго Большаго театра.

Но балетъ мой не былъ данъ, и какъ я узналъ уже въ 1846 году, отъ директора театровъ, во-первыхъ, по причинѣ дороговизны постановки такого обширнаго балета; во-вторыхъ, потому, что будто бы

петербургская публика не любитъ серьезныхъ эстетическихъ балетовъ, гдѣ, помимо танцевъ, артисты должны пантомимомъ и мимикою изображать цѣлыя драмы, а любитъ въ балетахъ только одни танцы, граціозныя и страстныя позы солистовъ.

Всякій настоящій балетъ, изображая дѣйствіе какой-нибудь драмы, какъ я полагаю, при каждой сценѣ, вмѣстѣ съ танцами, долженъ представлять зрителямъ цѣлую картину, составленную изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ и декорацій такъ, чтобы не оставалось никого и ничего на сценѣ, не включеннымъ въ общую картину. Поэтому второй сочиненный мною балетъ, заимствованный изъ греческой мифологіи, я весь изобразилъ въ 48 рисункахъ, окончательно исполненныхъ мною перомъ, такимъ же образомъ, какъ исполнена мною поэма „Душенька“, въ ту же величину листа и фигуръ. Ни программы балета, ни рисунковъ я еще не представлялъ его величеству.

Программы и рисунки обоихъ балетовъ находятся у меня.

Кромѣ рисунковъ, которые я имѣлъ счастье дѣлать въ альбомы ихъ величествъ, императрицамъ Маріи Ѳеодоровнѣ, Елисаветѣ Алексѣевнѣ и Александрѣ Ѳеодоровнѣ, у меня находится большаго формата альбомъ, слишкомъ въ 90 рисунковъ, мною сочиненныхъ и окончательно исполненныхъ: карандашемъ, сепіей, перомъ въ контурахъ и водяными красками, но не акварельною или гвашевою живописью, а принятымъ мною способомъ располагать корпусными красками, приготовляемыми для миниатюрныхъ работъ.

Въ этомъ альбомѣ около 50 рисунковъ во весь листъ альбома; они изображаютъ разные сюжеты изъ священнаго писанія, всемірной исторіи и мифологіи; остальные—различныхъ величинъ и сюжетовъ, болѣе всего рисованные красками съ природы—цвѣты, букеты въ стеклянныхъ сосудахъ, фрукты, ягоды, съ упавшими съ нихъ росинками, бразильскія птички съ ихъ разноцвѣтными, съ металлическимъ отблескомъ перышками, бабочки съ ихъ фантастически-изпещренными крыльями, стрекозы, жучки; также рисованный съ природы красками левъ. Есть нѣсколько проэтовъ памятниковъ, изъ коихъ одинъ въ видѣ древняго саркофага, съ высокими треножными курильницами по угламъ, на огромномъ паралелограмномъ камнѣ, сочиненный и нарисованный мною для памятника почетному гражданину И. В. Кусову,—поставленъ надъ его могилою на кладбищѣ Невскаго монастыря; есть нѣсколько видовъ съ природы, фасадъ дачи на Кавказѣ и 7 проэтовъ фонтановъ изъ группъ наядъ, амуровъ и тритоновъ, въ нижній садъ петергофскаго дворца. По приказанію его величества Николая Павловича, съ нихъ копіи переданы ея высочеству Маріи Николаевнѣ.

VIII.

Послѣднее мое художественное произведеніе есть осьмиугольный медальонъ одной формы и величины съ медальонами, исполненными мною на отечественную войну 1812, 1813 и 1814 годовъ.

По объявленіи свободы крестьянъ во всей Россіи, исполненный чувствомъ глубокаго благоговѣнія къ этому великому событію, обусловливающему счастье и величіе нашего отечества, я предпринялъ, въ память его, сочинить и вылѣпить изъ воска медальонъ, изображающій виновника этого событія императора Александра II: въ славянскомъ вооруженіи, въ шлемъ и порфиръ, озаренный свыше Божественнымъ лучемъ, попирая ногою изломанное ярмо, соединяетъ онъ стоящихъ по обѣимъ его сторонамъ боярина и крестьянина. Послѣдніе подають другъ другу руки, въ знакъ неразрывнаго согласія подвизаться за-одно для славы и блага родины. Кругомъ славянскими буквами надпись, взятая изъ древней русской пѣсни:

«Слава Богу на небѣ, слава!
Государю нашему на сей землѣ, слава!
Чтобы правда была на Руси, слава!
Краше солнца свѣтла, слава!»

Съ этого медальона, вылѣпленнаго изъ воска, я сдѣлалъ гальваническимъ способомъ форму, чтобы отливать изъ гипса, и прошелъ эту форму окончательно рѣзцемъ.

Его величеству государю императору Александру Николаевичу угодно было приказать съ этого медальона дѣлать на монетномъ дворѣ медали.

Кромѣ описанныхъ выше моихъ произведеній, я сочинилъ и вылѣпилъ изъ воска и глины множество юбилейныхъ вазъ, блюдъ, которыя не входятъ въ счетъ здѣсь представленныхъ мною произведеній.

Графъ Ѳ. П. Толстой.

1873 г.

ГРАФЪ О. П. ТОЛСТОЙ.

Р. 10 ФЕВРАЛЯ 1783 г., УМ. 13 АПРѢЛЯ 1873 г.

Въ 6 часовъ пополудни, 13-го апрѣля сего года, послѣ продолжительной и упорной борьбы со смертію, скончался маститый патріархъ Русскихъ Искусствъ, Товарищъ Президента Императорской Академіи Художествъ и почетный ея членъ (съ 1809 г.), графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой. Почти сто лѣтъ прожилъ этотъ достойный человѣкъ и почти три четверти вѣка знаменитый художникъ не оставялъ трудиться на разнообразныхъ поприщахъ искусства. Четыре поколѣнія русскаго общества чтили въ гр. Ѳедорѣ Петровичѣ талантъ, просвѣщенный умъ и честнѣйшее, благороднѣйшее сердце. Императорская Академія Художествъ справедливо гордилась своимъ Патріархомъ; славнѣйшія Академіи Искусствъ въ Европѣ издавна предоставили, въ средѣ своихъ сочленовъ, почетное мѣсто русскому графу-художнику.

Въ первыхъ числахъ марта мѣсяца сего года, почти наканунѣ предсмертной своей болѣзни, гр. Ѳедоръ Петровичъ просилъ насъ дать мѣсто на страницахъ „Русской Старины“ обзорнiю его художественной дѣятельности.

— „Трудовая моя жизнь — кончена“, говорилъ намъ слабымъ, прерывающимся голосомъ графъ: „но мнѣ хотѣлось бы оглянуться назадъ и посмотреть, что сдѣлано мною... Возьмите „Отчетъ“, мною составленный; быть можетъ, лица интересующіяся трудами по части русскаго искусства не безъ интереса его прочтутъ и помнятъ меня добрымъ словомъ.....“

Мы успѣли исполнить это желаніе ¹⁾. Такимъ образомъ, самъ

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1873 г., т. VII, апрѣль, стр. 517—532. Биографическій этюдъ жизни гр. Толстаго и выдержки изъ его записокъ напечатаны также въ «Русской Старинѣ», 1873 г., т. VII, стр. 24—51; 123—145.

художникъ въ сжатой безъискусственной формѣ, стоя уже одной ногой въ гробу, далъ своимъ согражданамъ отчетъ въ своей жизни постоянного, упорнаго, всегда проникнутаго талантомъ и наукой труда.

Но что особенно удивляетъ въ этомъ многолѣтнемъ трудѣ—это поразительное разнообразіе таланта опочившаго художника: прекрасный живописецъ (акварелью и масляными красками), дивный скульпторъ, неподражаемый, гениальный граверъ (на мѣди), преобразователь не только у насъ, но и въ Европѣ медальернаго искусства,—такимъ образомъ, въ одномъ русскомъ человѣкѣ соединялась вся Академія Художествъ. Явленіе—въ высшей степени рѣдкое, почти небывалое.

Графу Федору Петровичу Толстому безспорно принадлежитъ мѣсто въ пантеонѣ замѣчательнѣйшихъ мужей нашего отечества,—онъ гордость и слава Россіи, на ряду съ величайшими подвижниками ея на поприщахъ умственной дѣятельности.

Ред.

13-го апрѣля 1873 г.